

~~D. 35~~
~~168~~

XXIV $\frac{144}{1}$

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

$\frac{812-14}{11}$

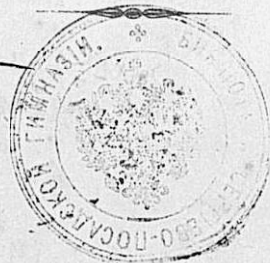
№ 2491

ТОМЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

КНИЖКА I.-2

(Книжка. кн. 1-4)

№ 11
№ 2744

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1868.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ:

А. Базунова, въ С. П. Б.
И. Глазунова, въ С. П. Б.
Я. А. Исакова, въ С. П. Б.

Эггерса и Комп., въ С. П. Б.
Шмицдорфа, въ С. П. Б.
Н. Киммеля, въ Ригѣ.

Эпоянджанца и Комп., въ Тифлисѣ.

1868/72 31693
2744

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санкт-петербургъ, октябрь 1868 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

№ XL1-1568

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(В. О., 9 лин., № 12.)

ОГЛАВЛЕНІЕ

КНИЖКИ I-ОЙ ТОМА XIV-ГО.

	Стран.
Отчетъ объ одиннадцатомъ присужденіи награды Графа Уварова, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 25-го сентября 1868 года, Непремѣннымъ Секретаремъ Академикомъ <i>К. С. Веселовскимъ</i> .	1 — 21
О басняхъ Крылова въ художественномъ отношеніи. Статья Академика <i>А. В. Никитенко</i>	22 — 37
Объ одномъ механизмѣ. Соч. Акад. <i>П. Л. Чебышева</i> . Читано 8 октября 1868 г.....	38 — 46
Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Академіи въ августѣ и сентябрѣ 1868 г.	
Общее Собраніе.....	47 — 53
Физико-Математическое Отдѣленіе.....	54 — 59
Отдѣленіе Русскаго языка и словесности.....	60 — 64
Историко-Филологическое Отдѣленіе.....	64 — 67
Мнѣніе Сперанскаго о новомъ изданіи Словяно-Россійскаго Словаря.....	67 — 71
Записка о Тредіаковскомъ.....	71 — 80
Изъ изслѣдованія о древнѣйшихъ памятникахъ Глаголицы Хорватскаго письма. Люблинскіе листки изъ сборника. Замѣтка Акад. <i>П. П. Срезневскаго</i>	80 — 85
• Приложенія:	
№ 1. Магнитныя наблюденія въ Выборгѣ и С. Петербургѣ въ 1867 году. <i>М. Рыкачева</i>	1 — 74
№ 2. Литературная жизнь Крылова. Соч. Акад. <i>Я. К. Грота</i> .	1 — 50

О Т Ч Е Т Ъ

ОБЪ ОДИНАДЦАТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА

читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 25-го сентября 1868 года, Непремѣннымъ Секретаремъ Академикомъ К. С. Веселовскимъ.

Соисканіе Уваровскихъ наградъ въ настоящемъ году отличалось отъ предшествовавшихъ соисканій этихъ премій бѣльшимъ числомъ участвовавшихъ въ немъ произведеній; всѣхъ представленныхъ сочиненій было четырнадцать, въ томъ числѣ однанадцать историческихъ, и три драматическія. Для ихъ разсмотрѣнія и для постановленія о нихъ приговора, Конференція Академіи, согласно правиламъ о наградахъ графа Уварова, назначила двѣ Комиссіи — одну для сочиненій историческихъ, другую для драматическихъ.

Первая изъ этихъ Комиссій состояла, подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Секретаря, изъ Академиковъ: Н. Г. Устрялова, И. И. Срезневскаго, А. В. Никитенко, Я. К. Грота, А. А. Куника, П. П. Пекарскаго и А. О. Бычкова. Впослѣдствіи, по случаю отсутствія г. Пекарскаго изъ Петербурга, мѣсто его въ составѣ Комиссіи занималъ Академикъ Д. М. Перевощиковъ.

Ознакомившись съ переданными ей на разсмотрѣніе сочиненіями, Историческая Комиссія назначила для разсмотрѣнія ихъ рецензентовъ, частію изъ среды своей, частію изъ постороннихъ

ученыхъ, и пригласила ихъ доставить подробные разборы конкурсныхъ произведеній къ назначенному для того сроку.

По полученіи рецензій, Коммиссія признала необходимымъ два сочиненія отложить до слѣдующаго года, одно потому, что разсматривавшій оное рецензентъ не доставилъ своего отзыва, а другое потому, что составленный, по приглашенію Коммиссіи, постороннимъ рецензентомъ разборъ признанъ Коммиссіею неудовлетворительнымъ. За тѣмъ, по прочтеніи доставленныхъ рецензій и по внимательномъ обсужденіи сравнительнаго достоинства прочихъ девяти сочиненій, Коммиссія, въ засѣданіи своемъ 6-го сентября, единогласнымъ постановленіемъ положила *семь изъ нихъ удостоить меньшихъ Уваровскихъ наградъ* (въ 500 р. каждая).

Эти, увѣнчанныя преміями, сочиненія, суть слѣдующія:

I.

Описаніе Кіева. Сочиненіе Н. Закревскаго. Вновь обработанное и значительно умноженное изданіе, съ приложеніемъ рисунковъ и чертежей. Напечатано изданіемъ Московскаго Археологическаго Общества Москва 1868 г. 2 тома in-4°.

По порученію Коммиссіи, разборъ этого сочиненія написанъ Академикомъ И. Ив. Срезневскимъ, который, въ составленной имъ рецензій, заявилъ, что, не смотря на довольно значительное число книгъ и статей о Кіевѣ и его достопамяностяхъ, русской литературѣ еще недоставало такого сочиненія, которое могло бы служить руководствомъ къ основательному ознакомленію съ древнею «матерью городовъ Русскихъ». Потребности въ такой книгѣ г. Закревскій удовлетворилъ въ первый разъ въ 1858 г., изданіемъ въ свѣтъ своего *Описанія Кіева*, которое было напечатано въ Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей. То было первое изданіе произведенія, которое теперь явилось во многомъ передѣланное, исправленное и обогащенное разнаго рода приложеніями.

Сочиненіе состоитъ изъ двухъ частей; въ первой, названной у автора *Лѣтописью города Кіева*, представлено обзорное историческое событіе, касающееся города отъ его основанія до 1865 года; вторая заключаетъ въ себѣ *описаніе древностей и достопамятностей Кіева*, въ формѣ отдѣльныхъ статей, расположенныхъ въ азбучномъ порядкѣ. Въ 137 статьяхъ этого частнаго описанія, составляющихъ, по выраженію рецензента, главное содержаніе книги, помѣщено огромное количество самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній, замѣчаній, соображеній, критическихъ и полемическихъ объясненій касательно разныхъ урочищъ Кіева, памятниковъ старины, а также и новыхъ учрежденій, находящихся въ городѣ. Многія изъ статей, относящихся къ древностямъ Кіева, такъ полны и обширны, что ихъ можно, по замѣчанію рецензента, назвать монографіями. Особенно любопытны статьи, заключающія въ себѣ изслѣдованія о томъ, гдѣ именно было то или другое урочище, упоминаемое въ древнихъ сказаніяхъ.

Въ своемъ трудѣ авторъ вездѣ старался пользоваться лучшими источниками и пособиями, допояняя то, что находилъ въ литературныхъ источникахъ, своимъ знакомствомъ съ Кіевскими мѣстностями и собственными критическими изысканіями.

Рецензентъ замѣчаетъ, что соображеніями относительно лѣтописныхъ показаній въ связи съ нынѣ существующимъ, всего болѣе отличаются небольшія статьи «описанія»; но что, къ сожалѣнію, не о всѣхъ важныхъ предметахъ помѣщены здѣсь отдѣльныя статьи, такъ что о многихъ надобно искать свѣдѣній въ другихъ статьяхъ книги. вмѣстѣ съ тѣмъ г. Срезневскій указываетъ на нѣкоторыя статьи, которыя, по его мнѣнію, могли бы быть исключены изъ книги, безъ ущерба для нея.

Давъ своему труду надлежащую полноту вездѣ, гдѣ рѣчь идетъ о древностяхъ и старинѣ, авторъ ограничился, говоря о нынѣшнемъ состояніи города, сравнительно немногими замѣчаніями. Рецензентъ, съ сожалѣніемъ указавъ на эту краткость, замѣчаетъ, что было бы лучше, если бы во второй части своего

труда, въ частномъ описаніи древностей, авторъ расположилъ статьи не въ азбучномъ, а въ систематическомъ порядкѣ, сопоставивъ памятники по мѣстностямъ, гдѣ они находятся. Кромѣ удобства для читателей, такое распредѣленіе избавило бы сочинителя отъ необходимости повторенія однихъ и тѣхъ же показаній. Сверхъ того могли бы быть опущены изъ книги все polemическія замѣчанія о мнѣніяхъ и выраженія другихъ сочинителей, писавшихъ о Кіевѣ.

Въ заключеніе своего разбора, рецензентъ высказалъ убѣжденіе, что трудъ г. Закревскаго, какъ трудъ обширный и отчетливо исполненный, даетъ автору полное право на Уваровскую награду.

II.

Новиковъ и Московскіе мартинисты. Изслѣдованіе М. Н. Лонгинова. Москва 1867.

Разборъ этого сочиненія былъ составленъ однимъ изъ членовъ Коммисіи, Акад. Пекарскимъ, который въ своей рецензіи прежде всего указываетъ на то, что было сдѣлано до г. Лонгинова по разработкѣ избраннаго имъ предмета, и на прежнія его изслѣдованія о масонствѣ.

Появленіе у насъ масонства, его быстрые успѣхи и почти мгновенное исчезновеніе составляютъ замѣчательное явленіе въ исторіи русскаго общества и просвѣщенія въ XVIII и первой четверти текущаго столѣтія. Между тѣмъ долгое время у насъ не было не только ни одного хотя нѣсколько обстоятельнаго изслѣдованія этого предмета, но даже изданіе матеріаловъ для такого изслѣдованія встрѣчало неодолимые препятствія. Только въ послѣдніе годы, когда открылась возможность писать о такихъ событіяхъ русскаго исторіи, которыя еще недавно считались неподлежащими оглашенію, стали появляться въ разныхъ изданіяхъ статьи о русскомъ масонствѣ. Въ числѣ первыхъ обратившихся къ этому предмету съ особымъ вниманіемъ и лю-

бовью, былъ г. Лонгиновъ, который въ статьѣ, напечатанной 1857 г. подъ заглавіемъ: «Новиковъ и Шварцъ», сообщилъ нѣсколько новыхъ, еще не обнародованныхъ до того времени извѣстій. Появленіе ея въ свѣтъ послужило г. Ешевскому поводомъ заняться этимъ предметомъ: въ напечатанныхъ имъ статьяхъ мы видимъ первую попытку безпристрастной оцѣнки масонства и указанія на разныя масонскія системы, нашедшія себѣ послѣдователей въ Россіи. Пользуясь этими трудами Ешевскаго и другихъ, и собравъ самъ много новыхъ извѣстій о русскихъ масонахъ, г. Лонгиновъ издалъ отдѣльною книгою подробное изслѣдованіе о Новиковѣ и Московскихъ мартинистахъ.

Обращаясь къ содержанію этой книги, рецензентъ останавливается на нѣкоторыхъ мѣстахъ ея, требующихъ, по его мнѣнію, замѣчаній и возраженій. Нѣкоторыя изъ свидѣтельствъ автора онъ дополняетъ и исправляетъ при помощи источниковъ, которые были неизвѣстны автору или изданы уже по выходѣ въ свѣтъ его сочиненія.

Однимъ изъ существенныхъ недостатковъ сочиненія г. Пекарскій считаетъ то, что, занявшись преимущественно русскимъ масонствомъ и судьбою Новикова, авторъ недостаточно обратилъ вниманіе на значеніе масонства вообще и на его исторію въ Европѣ. Г. Лонгиновъ оставилъ въ сторонѣ нѣкоторые иностранные источники, при помощи которыхъ онъ конечно избѣжалъ бы такихъ утверженій, которыя теперь въ его книгѣ даютъ поводъ къ основательной критикѣ.

Во всякомъ случаѣ трудъ г. Лонгинова весьма важенъ, какъ подготовительная разработка исторіи русскаго масонства. Онъ сообщилъ по этому предмету весьма много еще неизвѣстныхъ данныхъ, и оказалъ особенную услугу старательнымъ исполненіемъ библиографической части труда. Рецензентъ признаетъ, что г. Лонгиновъ, болѣе чѣмъ кто либо изъ русскихъ изслѣдователей, содѣйствовалъ къ разясненію такихъ событій новой русскаго исторіи, о которыхъ до него говорили только полунамеками. Кромѣ того г. Пекарскій ставитъ въ заслугу г. Лонгинову и

то, что каждое новое розысканіе его о масонствѣ вызывало сообщенія о томъ же предметѣ другихъ изслѣдователей, такъ что въ литературѣ исторіи Русскаго масонства нельзя обойти молчаніемъ труды г. Лонгинова; ими послѣдующіе историки будутъ всегда пользоваться съ уваженіемъ и признательностію.

III.

Иезуиты въ Россіи съ царствованія Императрицы Екатерины II-й и до нашего времени. Часть I-я, обнимающая собою исторію иезуитовъ въ царствованіе Екатерины Великой и Павла I-го. Соч. М. Морошкина С.-Петербургъ, 1867.

Постановляя приговоръ объ этомъ трудѣ, Коммисія имѣла въ виду отзывъ о немъ А. Н. Попова, къ которому обращалась съ просьбою сообщить его мнѣніе о сочиненіи о. Морошкина, какъ къ такому писателю, который имѣлъ случай въ подробности изучить исторію иезуитскаго ордена и обогатилъ нашу литературу замѣчательнымъ изслѣдованіемъ о судьбѣ папской политики въ Россіи.

Въ доставленной имъ подробной рецензій, г. Поповъ прежде всего указываетъ на важность предмета, избраннаго авторомъ, и на то почетное мѣсто, которое его книга должна занять въ нашей литературѣ.

Изслѣдованіе о значеніи и дѣятельности иезуитовъ въ Россіи составляетъ одинъ изъ историческихъ вопросовъ, важныхъ не для одной Россіи. Наша исторія въ этомъ случаѣ тѣсно связана съ исторіею остальной Европы и дополняетъ ее. Изъ всѣхъ монашескихъ орденовъ латинской церкви, иезуитскій орденъ возбуждалъ къ себѣ повсюду и наибольшую преданность и наибольшую ненависть, — безусловную защиту и самыя сильныя преслѣдованія. Въ постоянной борьбѣ, торжествуя побѣды или перенося гоненія и презрѣніе, онъ прожилъ слишкомъ двѣсти лѣтъ, когда наконецъ почти всѣ латинскія по исповѣданію государства изгнали иезуитовъ изъ своихъ предѣловъ, какъ вредное тайное об-

щество. Сами папы не разъ осуждали многія дѣйствія иезуитовъ. Сикстъ V предпринималъ коренное преобразование ихъ ордена, Климентъ XIII намѣревался совершенно его уничтожить; но ни тотъ ни другой не успѣли осуществить своихъ намѣреній. Ихъ преемнику, Клименту XIV, выпало на долю совершить дѣло, которое навлекло на него со стороны иезуитовъ и ихъ друзей много клеветъ и порицаній, повторяемыхъ даже и въ настоящее время. Знаменитое бреве этого папы Dominus ac redemptor произнесло смертныи приговоръ ордену; но иезуиты не покорились папскому рѣшенію, прекращавшему ихъ существованіе; ихъ возстаніе противъ власти, законной въ отношеніи монашескихъ орденовъ латинской церкви, нашло себѣ поддержку частію въ Пруссіи, но особенно въ Россіи. Въ Бѣлоруссіи образовалось средоточіе иезуитскаго управленія, которое, вопреки торжественно выраженной волѣ папы, не дало прерваться исторической жизни этого ордена. Россія сохранила въ своихъ предѣлахъ злѣйшаго врага православія, какъ бы для того, чтобы потомъ, по возстановленіи ордена Піемъ VII, передать его Римской церкви и католическимъ государствамъ Европы, какъ законнымъ наслѣдникамъ. Многіе пробовали объяснять это странное явленіе, но оно до сихъ поръ еще недостаточно разгадано. Чтобы объяснить его, необходимо было напередъ со всею полнотою и подробностію изслѣдовать исторію иезуитскаго ордена въ Россіи.

Такое изслѣдованіе предпринялъ о. Морошкинъ, не отступивъ предъ трудностію задачи, въ разрѣшеніи которой онъ почти не имѣлъ предшественниковъ въ нашей литературѣ. До появленія въ свѣтъ его книги, существовало у насъ только два наиболѣе замѣчательныя сочиненія, написанныя русскими учеными: *Le catholicisme Romain en Russie*, графа Д. А. Толстаго, и *Иезуиты и ихъ отношенія къ Россіи* Ю. О. Самарина. Но въ сочиненіи графа Толстаго, судьба иезуитскаго ордена входитъ лишь какъ одно изъ частныхъ явленій въ общую исторію римскаго католицизма въ Россіи, а сочиненіе г. Самарина преимущественно разсматриваетъ ученіе иезуитскаго ордена и только

отчасти касается его исторіи въ Россіи. Сочиненіе же о. Морошкина есть первый опытъ отдѣльнаго историческаго изслѣдованія объ этомъ предметѣ. Даже простая разработка обнародованныхъ источниковъ заслуживала бы въ этомъ случаѣ вниманія; но о. Морошкинъ поставилъ себѣ болѣе широкую задачу. Свѣдѣнія, почерпнутыя имъ изъ печатныхъ документовъ, онъ въ значительной мѣрѣ дополнилъ новыми и неизвѣстными, извлеченными имъ изъ Архивовъ Синодскаго и Государственнаго, изъ Императорской Публичной Библіотеки, и изъ нѣкоторыхъ рукописей, какъ наприм. изъ записокъ Сестренцевича-Богуша. Основательное знакомство съ иностранною литературою дало автору возможность сообщить его труду большую полноту.

Книга о. Морошкина составляетъ только первую часть предпринятаго имъ сочиненія; въ ней излагается исторія иезуитскаго ордена въ царствованіе Екатерины II-й и ея преемника. Подробно очертивъ дѣятельность иезуитовъ съ цѣлю утвердиться въ Бѣлороссіи и пріобрѣсть расположеніе Императрицы, авторъ естественно переходитъ къ вопросу о томъ, что заставило ее принять подъ свою защиту орденъ, уничтоженный папою, и обезпечить его существованіе въ предѣлахъ Имперіи. По мнѣнію рецензента, о. Морошкину не удалось вполне разрѣшить этотъ вопросъ. Онъ взглянулъ здѣсь на политику Екатерины не совсѣмъ вѣрно, и не угадалъ главной причины, заставившей мудрую Императрицу покровительствовать ордену, который она и сама считала коварнѣйшимъ изъ всѣхъ монашескихъ орденовъ латинской церкви.

Разбирая причины, которыя могли побудить Екатерину столь милостиво относиться къ иезуитамъ, авторъ останавливается на принятомъ ею общемъ началѣ вѣротерпимости въ государствѣ, на трактатѣ 13-го сентября 1773 года, по которому объ участвовавшихъ въ первомъ раздѣлѣ Польши державы, Пруссія и Россія, обязались сохранять въ присоединяемыхъ къ нимъ областяхъ status quo латинской церкви, на убѣжденіи Императрицы въ пользѣ иезуитовъ, какъ воспитателей юношества, и наконецъ

на взглядъ ея на нихъ, какъ на орудіе для утвержденія ея власти въ областяхъ, присоединенныхъ и еще долженствующихъ быть присоединенными къ ея державѣ отъ Польши. Однѣ изъ этихъ причинъ о. Морошкинъ признаетъ дѣйствительными, а другія отвергаетъ; но все-таки въ его книгѣ Екатерина представляется какъ бы измѣнившею въ отношеніи иезуитовъ своей обычной политической мудрости и попавшею въ сѣти ихъ происковъ. По мнѣнію рецензента, съ такимъ заключеніемъ нельзя согласиться. Съ первыхъ такъ сказать дней своихъ отношеній къ папскому престолу, Екатерина ясно выразила основныя начала своей политики, которыми и руководствовалась постоянно. Не препятствуя своимъ подданнымъ католическаго исповѣданія признавать папу главою ихъ церкви, она сразу устранила всякое его вмѣшательство въ дѣла, не имѣющія прямаго отношенія къ духовной его власти, и строго удерживала за собою такъ называемое право equeatur относительно всѣхъ распоряженій римскаго двора. Эти начала, изъ-за которыхъ впрочемъ въ большей или меньшей степени боролись съ папою всѣ государства Европы, Екатеринѣ приходилось защищать съ особою энергіею, какъ представительницѣ народа, исповѣдующаго вселенское православіе, и слѣдовательно какъ представительницѣ правъ этой церкви въ отношеніи къ иновѣрческимъ державамъ. Такой политикѣ рукоплескали иезуиты и защищали ее въ своихъ сочиненіяхъ предъ лицомъ папства и латинской Европы. Они защищали ихъ не изъ одного угодничества свѣтской власти, какъ доказывалъ Римъ, но и на основаніи тѣхъ ученій, которыя они проповѣдывали въ то время. Эти ученія и были главною причиною покровительства Екатерины иезуитамъ. Установленіе латинской церкви въ Россіи, самостоятельной и независимой въ политическомъ отношеніи отъ Рима, хотя и признающей высшую духовную власть его, составляло цѣль, къ которой стремились всѣ дѣйствія Екатерины, а достиженію этой цѣли въ сильной степени содѣйствовали иезуиты распространеніемъ своего тогдашняго ученія о силѣ распоряженій папы сравнительно съ силою соборныхъ постановленій и

о значеніи епископской власти. При всемъ томъ, Екатерина знала, съ кѣмъ имѣеть дѣло; въ послѣдніе годы ея царствованія, когда, благодаря ея твердости, Римскій дворъ былъ принужденъ сдѣлать ей важныя уступки, она признала необходимымъ нѣсколько стѣснить свободу іезуитскаго ордена, не дозволивъ ему избрать генерала и строже подчинивъ его митрополиту Сестренцевичу, ревностному помощнику ея въ исполненіи ея плановъ въ отношеніи къ устройству латинской церкви въ Россіи. Къ несчастію, эти планы рушились со смертію Екатерины. Царствованіе Императора Павла представляетъ постоянную борьбу іезуитовъ съ Сестренцевичемъ. Она подробно и обстоятельно изложена въ сочиненіи о. Морошкина, на основаніи новыхъ и неизвѣстныхъ доселѣ источниковъ. Эта борьба, какъ извѣстно, кончилась тѣмъ, что Сестренцевичъ былъ удаленъ изъ Петербурга, а іезуиты захватили въ свои руки все управленіе латинской церкви въ Россіи. Съ тѣхъ поръ ихъ замыслы широко распространились на всю Имперію. Дальнѣйшая судьба іезуитскаго ордена въ нашемъ отечествѣ должна составить предметъ слѣдующаго тома сочиненія о. Морошкина, и можно надѣяться, что этотъ томъ будетъ также богатъ сообщаемыми фактами и занятеленъ по изложенію.

IV.

Въче и Князь. Русское государственное устройство и управленіе во времена князей Рюриковичей. Историческіе очерки В. И. Сергѣевича. Москва 1867 г.

Избранный Коммиссіею рецензентъ этого сочиненія, Академикъ А. О. Бычковъ, въ представленной имъ рецензіи, свидѣтельствуетъ, что трудъ г. Сергѣевича является весьма полезнымъ приобрѣтеніемъ для науки. Предпринявъ изслѣдованіе предмета, котораго касались всѣ наши историки, отъ Татищева до г. Соловьева, и многіе изслѣдователи исторіи русскаго государственнаго права, авторъ ограничился лишь нѣкоторыми сторона-

ми предмета и оставилъ въ сторонѣ судоустройство, находящееся въ тѣсной связи съ судопроизводствомъ, а также нѣкоторыя отрасли административной дѣятельности.

Первая часть сочиненія г. Сергѣевича посвящена государственному устройству. На основаніи извѣстій, сохранившихся въ лѣтописяхъ, онъ представляетъ довольно полную картину возникновенія вѣча, его распространенія и прекращенія. Выводы, къ которымъ приходитъ авторъ, суть слѣдующіе: участіе народа въ общественныхъ дѣлахъ проявлялось въ вѣчѣ, которое не было создано княжескою властью, но составляло первоначальную форму быта, такъ какъ въ лѣтописяхъ находятся свидѣтельства о существованіи вѣча еще до призванія Рюрика; оно было не только во всѣхъ главныхъ городахъ, но и въ очень многихъ городахъ второстепеннаго и третьестепеннаго значенія. Всеобщность и необходимость вѣча обуславливались слабостію въ то время княжеской власти, которая должна была часто искать опоры въ народѣ. По мѣрѣ же того, какъ князь становился болѣе и болѣе независимымъ отъ народной воли, народныя собранія выходили изъ употребленія, какъ ненужныя, и въ концѣ княжескаго періода исчезаютъ послѣдніе слѣды вѣчеваго устройства. Начало ослабленію вѣча положено татарскимъ погромомъ, а причину окончательнаго его паденія слѣдуетъ искать въ измѣнившихся отношеніяхъ служилыхъ людей къ князю и въ объединеніи Россіи въ Московское государство. Эти выводы, по мнѣнію рецензента, за нѣкоторыми ограниченіями, вполне справедливы, равно какъ и замѣтка г. Сергѣевича, что новые сѣверовосточные города не отличались своимъ устройствомъ отъ старыхъ, и что не въ отсутствіи въ нихъ вѣча слѣдуетъ искать причины образованія на сѣверовостокѣ Россіи новаго порядка вещей. Можно замѣтить только одно: такъ какъ вѣче по большей части устраивалось случайно, силою обстоятельствъ, то едва ли можно смотрѣть на него, вмѣстѣ съ авторомъ, какъ на необходимую форму правленія. Сверхъ того, нѣкоторыя приводимыя г. Сергѣевичемъ лѣтописныя извѣстія въ подкрѣпленіе той мысли, что

вѣче существовало во всѣхъ городахъ древней Руси, истолкованы имъ произвольно.

Разсмотрѣвъ пространство и время, въ предѣлахъ которыхъ существовалъ вѣчевой бытъ, авторъ переходитъ къ устройству вѣчевыхъ собраний, къ вѣчевымъ порядкамъ и къ предметамъ вѣдомства вѣча. Упомянувъ при этомъ объ ограниченіи права дѣтей участвовать при жизни отцевъ въ народныхъ собраніяхъ, онъ естественно долженъ былъ коснуться значенія слова «родъ», занимавшаго одно время такъ много нашихъ ученыхъ. Г. Сергѣевичъ думаетъ, что въ историческую эпоху Рюриковичей родъ не существовалъ, какъ учрежденіе съ опредѣленными правами и обязанностями его членовъ. Это мнѣніе и вообще все сказанное авторомъ о значеніи слова родъ, г. Бычковъ считаетъ вполне вѣрнымъ и убѣдительнымъ. Столь же справедливо возраженіе автора тѣмъ ученымъ, которые дѣлятъ народныя собранія на законныя, или правильныя, и на неправильныя, или самовольныя. Что же касается до утвержденія г. Сергѣевича о ненаслѣдственности извѣстнаго достоинства въ слояхъ населенія въ продолженіе княжескаго періода, то такое утвержденіе нельзя принять безъ нѣкотораго ограниченія. Нельзя также вполне согласиться съ авторомъ въ томъ, будто бы дѣти при живыхъ родителяхъ лично не участвовали въ вѣчѣ. Наконецъ, принимая за вѣче всякое народное собраніе, имѣющее своимъ предметомъ общественныя дѣла и желающее, чтобы его мнѣніе было принято всѣмъ остальнымъ народомъ, авторъ заходитъ слишкомъ далеко и причисляетъ къ вѣчамъ всѣ сходки, или совѣщанія дружины во время похода, и совѣты, ею подаваемые относительно военныхъ дѣйствій, принимаетъ за участіе народа, приписывая ему такимъ образомъ распоряженіе ходомъ войны.

Отдѣлъ своего труда, посвященный вѣчевому устройству, авторъ оканчиваетъ объясненіемъ отношеній князя къ вѣчу. Вообще этотъ отдѣлъ, по отзыву рецензента, особенно любопытенъ: столь подробнаго и осмотрительнаго изслѣдованія о вѣчѣ до сихъ поръ еще не было въ нашей литературѣ. Заслуга г. Сергѣе-

вича заключается не столько въ собраніи матеріаловъ, сколько въ строгой ихъ группировкѣ и въ извлеченіи изъ нихъ выводовъ, проливающихся свѣтъ на наше отдаленное прошлое.

Еще выше въ этомъ отношеніи тѣ главы его книги, въ которыхъ говорится о взаимныхъ отношеніяхъ князей и о порядкѣ распределенія волостей между ними. Въ исторіи княжескихъ отношеній авторъ видитъ не болѣе, какъ исторію договоровъ. Съ этой новой точки зрѣнія онъ разсматриваетъ вопросы: кому изъ князей принадлежало право вступать въ договоры, порядокъ совершенія договоровъ, ихъ виды, содержаніе договорнаго права, средства для обезпеченія силы договоровъ и способъ ихъ уничтоженія. Огромное число свидѣтельствъ о договорахъ распределено имъ въ трехъ группахъ: къ первой отнесены свидѣтельства о существованіи договорнаго права между родными братьями; ко второй — между дядьями и племянниками первыхъ двухъ степеней, къ третьей — между родственниками, болѣе отдаленными. Содержаніе договоровъ первой категоріи г. Сергѣевичъ разсмотрѣлъ весьма старательно; онъ свелъ вмѣстѣ всѣ встрѣчающіяся въ нихъ характеристическія условія, формулы, термины, и представилъ ихъ въ отчетливомъ очеркѣ. Отъ изложенія способовъ обезпеченія силы договоровъ, онъ переходитъ къ княжескимъ отношеніямъ, и историческій обзоръ этихъ отношеній дѣлитъ на 9 періодовъ, припаявъ въ основаніе поколѣнное различіе Рюриковичей. Такое дѣленіе весьма удобно; оно наглядно знакомитъ, въ каждомъ періодѣ, обвиняющемъ не слишкомъ большой промежутокъ времени, со всѣми отношеніями, существовавшими между болѣе важными князьями-современниками.

Такъ какъ выводы о взаимныхъ отношеніяхъ князей, полученные изъ источниковъ, по тщательномъ ихъ разсмотрѣніи, оказались противорѣчащими мнѣнію о родовомъ бытѣ князей, то г. Сергѣевичъ долженъ былъ подвергнуть это мнѣніе критическому разбору. Возражая г. Соловьеву, одному изъ главныхъ защитниковъ родового быта, полагающему, что родъ князей Русскихъ, не смотря на свое развѣтвленіе, представлялъ одну семью,

главою которой былъ старшій князь, авторъ объясняетъ, что такое мнѣніе вызвано во-первыхъ нѣкоторыми выраженіями источниковъ, взятыми отрывочно, безъ связи съ другими свидѣтельствами тѣхъ же источниковъ, и во-вторыхъ тѣмъ, что частныя опредѣленія отдѣльныхъ договоровъ приняты за обычай родового быта. Затѣмъ авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію доводовъ, которыми подкрѣплялось мнѣніе о родовомъ бытѣ, и доказываетъ ихъ несостоятельность. Этотъ строго ученый, отчетливый разборъ мнѣнія, которое и въ настоящее время имѣетъ еще многихъ сторонниковъ, заслуживаетъ, по мнѣнію рецензента, полной похвалы.

Но если вышеупомянутое мнѣніе не выдерживаетъ критики, если въ отношеніяхъ князей не господствовало родовое начало, то какъ же совершался переходъ столовъ отъ одного князя къ другому? Отвѣтъ г. Сергѣевича съ перваго взгляда поражаетъ своею новизною и неожиданностію; но по внимательномъ его обсужденіи приходится согласиться со многими изъ выводовъ автора. «Княжеская Россія, говоритъ онъ, не знала законнаго порядка въ преемствѣ столовъ: столы не наследовались, а *«добывались.»* Это добываніе происходило чрезъ занятіе, захватъ, добровольную уступку и впоследствии чрезъ утвержденіе ханскимъ ярлыкомъ. Подтверженія тому, что столы добывались, г. Сергѣевичъ находитъ во всей исторіи княжескаго періода, не смотря на то, что области, какъ извѣстно, доставались князьямъ по наследству и что есть много случаевъ наследованія по старшинству. Г. Сергѣевичъ не отрицаетъ этого факта, но старается ограничить его всеобщность и въ то же время показать, отъ какихъ обстоятельствъ онъ зависѣлъ. Впрочемъ, по замѣчанію рецензента, онъ поступилъ бы правильнѣе, если бы наследованію волостей далъ въ своемъ трудѣ первое мѣсто, а начало добыванія поставилъ въ связь съ наследованіемъ, какъ его ограниченіе или какъ исключеніе изъ него.

Вторая часть книги г. Сергѣевича обнимаетъ собою управленіе Руси при князьяхъ; въ ней говорится о правительственномъ

дѣленіи, объ органахъ управленія и наконецъ о войскахъ. И здѣсь, какъ и въ первой части, авторъ изслѣдуетъ свой предметъ съ любовью и знаніемъ, хотя иногда и впадаетъ въ увлеченіе и ошибки. Такъ «потугъ» онъ считаетъ однимъ изъ мелкихъ дѣлений волости, тогда какъ это слово означаетъ повинности, въ какомъ смыслѣ и употребляется въ грамотахъ; такъ онъ не довольно основательно возстаетъ противъ названія одного изъ періодовъ нашей исторіи удѣльнымъ только потому, что это названіе заимствовано отъ одного изъ способовъ пріобрѣтенія княженій и при томъ несамостоятельнаго и далеко не господствовавшего въ то время. Разсматривая управленіе и его органы, онъ представляетъ нѣсколько новыхъ соображеній, изъ которыхъ съ иными нельзя вполне согласиться, какъ напр., что на войнѣ князь обыкновенно первый начиналъ бой, что въ составъ отроковъ и дѣтскихъ входили рабы, что наименованіе «милостивникъ» было отличительнымъ для служилыхъ людей, что посадники при первыхъ князьяхъ избирались преимущественно изъ Варяговъ и т. п.

Впрочемъ недостатки книги г. Сергѣевича не уменьшаютъ достоинствъ его труда, которыя вообще состоятъ въ близкомъ знакомствѣ автора съ источниками, въ богатствѣ собранныхъ имъ данныхъ, во внимательномъ его отношеніи къ предмету, въ ясномъ и своеобразномъ разясненіи многихъ вопросовъ и, наконецъ, въ ровномъ и спокойномъ тонѣ изложенія.

V.

Исторія борьбы Московскаго Государства съ Литовско-Польскимъ 1462—1508. Соч. Геннадія Карпова. 2 части. Москва. 1867 г.

Разборъ этого сочиненія составленъ Академикомъ А. А. Куникомъ, котораго отзывъ, въ сущности, заключается въ слѣдующемъ: трудъ г. Карпова есть диссертация, написанная для полученія званія магистра; при ограниченности ея объема, она конечно не исчерпываетъ столь обширнаго и важнаго предмета;

тѣмъ не менѣе г. Карповъ оказалъ немаловажную услугу наукѣ, разъяснивъ многое въ исторіи борьбы Москвы съ Литвою въ избранный имъ періодъ времени, и показавъ, какія измѣненія могутъ еще испытать наши свѣдѣнія о сношеніяхъ Московской Руси съ иностранными державами въ XV и XVI столѣтіяхъ. То, что до сихъ поръ было написано о томъ же предметѣ польскими авторами на прим. Лелевелемъ, Голембювскимъ, Бартошевичемъ, Нарбутомъ и Галицко-Польскими историками, оказывается недостаточнымъ, потому что эти писатели не имѣли возможности, подобно г. Карпову, ознакомиться съ русскими статейными списками въ полномъ ихъ объемѣ. Начало и ходъ борьбы Москвы съ Литовско-Польскимъ государствомъ съ 1462 по 1508 годъ, описаны Щербатовымъ, Карамзинымъ, Арцыбашевымъ и Соловьевымъ несравненно лучше, чѣмъ названными польскими писателями; но наши историки не имѣли въ виду описать и характеризовать всѣ фазы этой борьбы съ такою подробностію, какъ это сдѣлано г. Карповымъ.

Отзываясь одобрительно о сочиненіи г. Карпова, рецензентъ обратилъ вниманіе и на нѣкоторые недостатки его. Къ ихъ числу онъ относитъ неполноту и неясность описанія нѣкоторыхъ событій, и слишкомъ преждевременный общій выводъ изъ изслѣдованія, изложенный въ концѣ послѣдней главы сочиненія. Но самый важный недостатокъ труда г. Карпова г. рецензентъ видитъ въ отсутствіи библиографическаго обзорѣнія источниковъ, которыми пользовался авторъ. Читателю приходится прослѣдить все сочиненіе, чтобы составить себѣ о нихъ нѣкоторое понятіе. Между тѣмъ критическая оцѣнка источниковъ, важная въ каждой исторической монографіи, въ настоящемъ случаѣ была особенно необходима. Самъ авторъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ своего труда, утверждаетъ, что главный источникъ для исторіи Московско-Литовской борьбы съ 1487 г. заслуживаетъ предпочтенія передъ подобнымъ же Литовскимъ источникомъ, т. е. что русскіе статейные списки о Литовско-Польскихъ дѣлахъ несравненно богаче и достовернѣе тогдашнихъ статейныхъ списковъ Литовской

метрики. Это мнѣніе г. Куникъ признаетъ справедливымъ; но необходимо, чтобы оно было отчетливѣе доказано въ особой главѣ. Г. Карповъ тѣмъ болѣе долженъ былъ это сдѣлать, что онъ внимательно изучилъ весь составъ дошедшихъ до насъ статейныхъ списковъ разсматриваемаго имъ періода, тогда какъ они до-сихъ-поръ изданы лишь въ видѣ отрывковъ и слѣдовательно читатель не можетъ самъ составить себѣ понятіе объ ихъ достоинствѣ. Къ тому же, замѣчаетъ г. Куникъ, статейными списками, какъ и многими другими оффиціальными документами, должно пользоваться съ осмотрительностію.

Кромѣ рукописныхъ статейныхъ списковъ, г. Карповъ пользовался и другими источниками, преимущественно русскими. Съ источниками на другихъ языкахъ, какъ на прим. Ливонскими, Польскими-Латинскими и проч., онъ по видимому менѣе знакомъ, хотя въ нихъ и нашлись бы указанія, полезныя для всесторонняго изученія предмета.

VI.

Исторія Троицкой Лаврской Семинаріи. Сочиненіе С. Смирнова. М. 1867.

Академикъ Пекарскій, разсмотрѣвъ это сочиненіе, представилъ разборъ, который послужилъ для Коммиссіи основаніемъ для ея приговора объ этомъ твореніи.

Г. Смирновъ уже извѣстенъ въ нашей ученой литературѣ полезными трудами, занявшими почетное мѣсто въ числѣ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи. Одно изъ главныхъ его сочиненій, *Исторія Московской Духовной Академіи*, было удостоено Демидовской награды. Изданіемъ нынѣ *Исторіи Троицко-Лаврской Семинаріи* авторъ приобрѣлъ новое право на признательность со стороны всѣхъ занимающихся отечественною исторіею.

Троицкая Лаврская Семинарія, учрежденная въ 1738 году, но дѣйствительно открытая только въ 1742 году, есть одно изъ

главныхъ духовныхъ училищъ въ Россіи. Поставленная на высокую степень въ пятидесятилѣтнее управление ею Платона, ректора Семинаріи, архимандрита Лавры и Митрополита Московскаго, она и по числу питомцевъ, получившихъ въ ней свое образованіе, и по устройству своему, которымъ она обязана попеченіямъ знаменитаго Московскаго іерарха, и наконецъ по своей исторіи, въ которой отражаются столь многія черты времени, достойна занять почетное мѣсто въ общей картинѣ историческаго хода образованія въ Россіи. Услуга, оказанная г. Смирновымъ наукѣ изданіемъ исторіи означенной Семинаріи, тѣхъ важнѣе, что безъ предварительной разработки подобныхъ монографій было бы невозможно будущимъ писателямъ начертать полную исторію просвѣщенія въ Россіи. Тѣ, которымъ извѣстны прежніе труды г. Смирнова, знаютъ съ какимъ трудолюбіемъ, любовью и основательностію онъ относится къ предметамъ, которые онъ избираетъ для своихъ ученыхъ трудовъ. Эти качества, по отзыву рецензента, мы находимъ и въ книгѣ, которая нынѣ признана достойною Уваровской награды. Собравъ съ большимъ стараніемъ все, что можно было найдти въ источникахъ для изображенія разныхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ учрежденіе Семинаріи, первоначальной ея судьбы, времени управления ею Митрополита Платона и пр., г. Смирновъ представилъ весьма полную картину внутренняго и внѣшняго быта этого учрежденія за всѣ 130 лѣтъ его существованія. Трудъ г. Смирнова былъ тѣмъ значительнѣе, что всѣ матеріалы для своей книги онъ долженъ былъ заимствовать почти исключительно изъ рукописныхъ источниковъ.

VII.

Украинская старина. Матеріалы для исторіи Украинской литературы и народнаго образованія. Г. П. Данилевскаго. Харьковъ. 1866 г.

Трудъ г. Данилевскаго былъ, по приглашенію Академіи,

разсмотрѣнъ профессоромъ здѣшняго университета М. И. Сухомяновымъ.

Авторъ, поставивъ себѣ задачею изображеніе Украинскаго быта, предпринялъ для этого въ Харьковѣ изданіе особаго сборника, и первый выпускъ его, представленный на судъ Академіи, посвятилъ народному образованію и образованности; въ этомъ выпускѣ помѣщены обзоръ жизни и трудовъ трехъ замѣчательныхъ Украинскихъ дѣятелей: Сковороды, Каразина и Квитки Основьяненка, и статья о народныхъ школахъ въ Харьковской губерніи. Въ статьѣ о Сковородѣ авторъ, пользуясь не только печатными, но и нѣкоторыми рукописными источниками, изображаетъ современное состояніе общества и образованности и разъясняетъ личность малороссійскаго философа, характеръ его сочиненій и способъ изложенія. Въ концѣ статьи приложены указатели печатныхъ статей Сковороды, его неизданныхъ сочиненій и статей о немъ.

Обозрѣніе дѣятельности В. И. Каразина, одного изъ главныхъ двигателей въ дѣлѣ учрежденія Харьковскаго университета, составлено при помощи указаній, заключающихся въ произведеніяхъ самого Каразина и въ его біографіи, составленной сыномъ его, а также полученныхъ отъ стариковъ, бывшихъ въ сношеніяхъ съ Каразинымъ. Авторъ передаетъ одно за другимъ извѣстія, замѣтованныя изъ различныхъ источниковъ, и въ заключеніе сообщаетъ списокъ сочиненій Каразина съ 1807 по 1842 годъ, съ краткимъ указаніемъ содержанія главнѣйшихъ изъ нихъ.

Для статьи объ Основьяненко авторъ руководствовался также и печатными и рукописными матеріалами; въ приложенномъ къ ней списокѣ сочиненій Основьяненка онъ исчислилъ какъ то, что напечатано при жизни и по смерти автора, такъ и то, что до сихъ поръ остается неизданнымъ. Рецензентъ считаетъ особенно заслуживающимъ вниманія приводимыя здѣсь свѣдѣнія о первыхъ временахъ существованія Харьковскаго университета.

Въ статьѣ о Харьковскихъ народныхъ школахъ г. Данилев-

скій сообщаетъ данныя, относящіяся къ періоду времени съ 1732 по 1865 годъ. Такой продолжительный періодъ, при сравнительно небольшомъ объемѣ статьи, не могъ быть изображенъ съ достаточною подробностію, и авторъ ограничился только нѣкоторыми чертами. Впрочемъ сообщенныя имъ свѣдѣнія, особенно замѣтованныя изъ живыхъ источниковъ, заслуживаютъ, по мнѣнію рецензента, вниманія. Сверхъ того онъ пользовался архивомъ Харьковскаго университета, дѣлами Харьковскаго статистическаго комитета и ревизіоннаго отдѣленія казенной палаты. Авторъ имѣлъ въ рукахъ около семи сотъ отзывовъ городского и сельскаго духовенства по вопросу о школахъ; кромѣ того онъ посѣтилъ около ста селъ и деревень, собирая свѣдѣнія отъ священниковъ, учителей и крестьянъ. Г. Сухомлиновъ изъясляетъ сожалѣніе о томъ, что авторъ мѣстами придалъ своему очерку литературную форму замѣтокъ, приличную болѣе повѣстямъ, нежели статистическому отчету о путешествіи. Другой, по мнѣнію рецензента, недостатокъ, замѣтный и въ прочихъ статьяхъ книги г. Данилевскаго состоитъ въ томъ, что сообщаемыя имъ свѣдѣнія не приведены въ стройное цѣлое, и по большей части отрывочны; между ними не всегда существуетъ внутренняя связь; авторъ не затрудняется приводить извѣстія и не прямо идущія къ дѣлу, если только считаетъ ихъ любопытными въ какомъ либо отношеніи.

Въ соисканіи Уваровскихъ наградъ за драматическія произведенія въ настоящемъ году участвовали три пьесы. Разсмотрѣніе ихъ и произнесеніе о нихъ приговора было возложено Конференціею Академіи на особую Коммиссію, состоящую, подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Секретаря, изъ гг. Академиковъ И. И. Срезневскаго, А. В. Никитенко, Я. К. Грота, В. В. Вельяминова-Зернова, П. П. Пекарскаго, В. П. Безобразова и А. О. Бычкова. Впослѣдствіи, по причинѣ отсуствія гг. Вельяминова-Зернова, Пекарскаго и Безобразова изъ

Петербурга, ихъ мѣсто въ составѣ коммисіи заступали Н. Г. Устряловъ, А. А. Куникъ и Д. М. Перевощиковъ.

Ознакомившись съ переданными на ея разсмотрѣніе произведеніями, Коммиссія поручила одному изъ своихъ членовъ, А. В. Никитенко, составленіе рецензій. По выслушаніи ихъ, Коммиссія приступила къ окончательному сужденію о томъ, въ какой степени каждая изъ конкурсныхъ пьесъ соотвѣтствуетъ условіямъ, которыя учредитель Уваровскихъ премій имѣлъ въ виду при начертаніи правилъ о раздачѣ наградъ за драматическія произведенія. При этомъ Коммиссія нашла, что ни одно изъ этихъ сочиненій не представляетъ собою той совокупности достоинствъ, которая давала бы право признать ее заслуживающею преміи. Поэтому Коммиссія единогласно постановила, что нѣтъ повода присудить кому либо въ нынѣшнемъ году награду за драматическое произведеніе.

По присужденіи Уваровскихъ наградъ, Коммиссія сочла долгомъ заявить публично свою признательность гг. постороннимъ рецензентамъ за содѣйствіе, оказанное ими Академіи составленіемъ разборовъ конкурсныхъ сочиненій; двумъ изъ нихъ, А. Н. Попову и Е. Е. Голубинскому, она присудила золотыя Уваровскія медали.

О БАСНЯХЪ КРЫЛОВА ВЪ ХУДОЖЕСТВЕННОМЪ ОТНОШЕНІИ.

АКАДЕМИКА А. В. ШКИТЕНКО.

Мм. гг. Намъ бреваясь въ настоящій достопамятный день занять благосклонное вниманіе ваше разсужденіемъ о художественномъ характерѣ замѣчательнѣйшихъ произведеній Крылова — его басенъ, я конечно не могу имѣть въ виду полной оцѣнки ихъ въ этомъ отношеніи. Для этого потребовалось бы болѣе времени и другіе приемы анализа. Но я постараюсь уловить хотя немногія черты въ томъ безсмертномъ образѣ, въ какомъ является передъ потомствомъ нашъ знаменитый баснописецъ, какъ одинъ изъ первоклассныхъ художниковъ.

Родъ произведеній, преимущественно усвоенный себѣ Крыловымъ, не предполагаетъ, повидимому, необходимыхъ условій художественнаго творчества. Не напрасно басню, какъ иносказательное изображеніе извѣстной нравственной истины, относили къ дидактикѣ. И дѣйствительно, по первоначальному своему значенію, она является въ качествѣ особенной диалектической стратагемы, которую авторъ употребляетъ, когда стремится напечатлѣть въ умахъ, какъ бы не хотя, безъ намѣренія, мимоходомъ, такъ сказать, какой-нибудь урокъ житейской мудрости, или мысль, почерпнутую изъ наблюденій общественнаго быта. Поучать проіей, символомъ, притчею, иносказаніемъ всегда и у всѣхъ народовъ было однимъ изъ общеупотребительныхъ приемовъ, свойственныхъ духу человѣческому, когда онъ, посреди всяческихъ вол-

нующихъ его недоумѣній, не стремится воззрѣнія свои обратить въ строгіи догматы, а только въ разнообразной игрѣ жизни ищетъ указаній на высшія ея задачи. Но мысль о художественномъ творествѣ не входила въ понятіе объ изображеніи, гдѣ должно угадывать какую-либо цѣль вѣ самаго изображенія, гдѣ оно не въ самомъ себѣ носитъ свою убѣждающую или изъяснительную силу, а въ аналогическомъ приспособленіи къ чему-то другому, стороннему. Въ новѣйшія времена Ла-Фонтенъ первый возвысилъ басню, независимо отъ ея аллегорическаго характера, до высокаго художественнаго значенія. И мы, по всей справедливости, въ твореніяхъ Крылова можемъ представить другой самобытный образецъ подобнаго превращенія иносказательнаго изображенія въ поэму. Мудрость жизни ищетъ союза съ красотою, также какъ искусство, съ своей стороны, ни мало не теряя своей свободы, въ откровеніяхъ мудрости почерпаетъ долю богатства для усиленія своего благотворнаго вліянія на людей. Не даромъ Платонъ совѣтовалъ суровому учителю Киносарга приносить жертву граціямъ. Онъ хотѣлъ этимъ сказать, что ученіе, имѣющее въ виду дѣлать людей лучшими, наиболѣе достигаетъ своей цѣли, когда, съ сознаніемъ истины, оно пробуждаетъ въ нихъ чувство прекраснаго.

Такимъ образомъ поэтическое развитіе по праву принадлежитъ иносказанію въ баснѣ. Мы очень хорошо знаемъ, что, изображая предметы неодушевленные и существа не мыслящія съ ихъ природными свойствами и надѣляя ихъ въ то же время атрибутами человѣческими, баснописецъ имѣетъ въ виду что-то другое, а не ихъ самихъ. Искусно развивая нить поэтическаго о нихъ сказанія, онъ постоянно даетъ намъ чувствовать аналогію между вымысломъ и дѣйствительностью. И въ этомъ сближеніи, въ этой чудной игрѣ противоположностей, онъ однако, какъ бы случайно и ненамѣренно, рисуетъ картины, глубоко дѣйствующія на наше эстетическое чувство. Отсюда возникаетъ уже поэзія басни, которая сама въ себѣ носитъ увлекательную прелесть, сдружая насъ съ природою, влагая, такъ сказать, въ ея созданія сердце и языкъ, чтобъ чувствовать съ нами за одно, говорить намъ внятно; все твореніе, такимъ образомъ, проникается однимъ духомъ жизни, повсюду напоминая намъ объ общемъ род-

ственным происхождением отъ одного всемогущаго Жизнедавца. И когда, наконецъ, поэма басни разрѣшается важною мыслию, или нравственною истиною, мы поражены ими, какъ внезапнымъ свѣтлымъ озареніемъ, которое тѣмъ глубже проникаетъ въ нашу душу, чѣмъ менѣе мы были въ правѣ подозрѣвать автора въ доктринерствѣ, въ намѣреніи сдѣлаться нашимъ учителемъ и располагать нашими убѣжденіями. Баснописецъ принесъ обильную жертву граціямъ. Онъ далъ намъ уроки, какъ мудрецъ, и какъ поэтъ провелъ ихъ въ наше сердце. Онъ доставилъ торжество идеѣ, или истинѣ, какое доставляется ей только соединеніемъ всѣхъ силъ, дѣйствующихъ въ пользу ея, на человѣка.

Всѣ эти мысли вытекаютъ не изъ теорій — основаніе ихъ лежитъ въ изученіи произведеній нашего великаго баснописца. Взглянемъ же на тѣ силы, какими осуществлялъ онъ свою задачу.

Первое, что представляется намъ въ его басняхъ, самое высокое качество въ нихъ — это умъ. Но вѣдь это само собою разумѣется, могутъ возразить мнѣ. Умъ не есть ли общее достояніе всѣхъ людей — что же тутъ относящагося собственно къ Крылову и его баснямъ? Всякому однако извѣстно, что мѣра и степени ума чрезвычайно различны. Но не въ этомъ дѣло. Между тѣмъ, какъ умъ дѣйствительно составляетъ общее преимущество людей, многіе ли изъ нихъ могутъ похвалиться, что обладаютъ тѣмъ свѣжимъ, чистымъ, стихійнымъ умомъ, который, если можно такъ выразиться, заключался въ первоначальномъ планѣ природы относительно человѣка и котораго существеннѣйшіе признаки суть естественность и здравомысліе? Не есть ли большая рѣдкость встрѣтить такой здоровый стихійный, слѣдственно сильный умъ, счастливо сохранившій свою природную прямоту, неповрежденность и свободу посреди безчисленныхъ искажающихъ и порабошающихъ его вліяній внутреннихъ и вѣшнихъ? Именно такой рѣдкій умъ — и это уже была, конечно, большая особенность — надѣленный сверхъ того даромъ тонкаго наблюденія и проищательности, достался въ удѣлъ Крылову. Онъ далъ ему возможность избирать всегда вѣрную точку зрѣнія на вещи, обсуживать ихъ безпристрастно и изображать съ неподражаемою ясностію и простотою истины. Мы не знаемъ, въ какихъ начинаніяхъ и результатахъ проявилъ бы себя этотъ избранный умъ, если бы онъ

принялъ направленіе болѣе широкое, и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе отвлеченное. Но ему было суждено установиться въ сферѣ живыхъ явленій, стать лицомъ къ лицу съ повседневною человѣческою дѣйствительностію и, не вмѣшиваясь поступками ни въ какія дѣла людей, говорить имъ о дѣлахъ, но не столько о томъ, что они должны дѣлать, сколько о томъ, чего они дѣлать не должны. Несмотря на этотъ отрицательный способъ отношеній къ дѣйствительности, у Крылова, конечно, была своя философія; философія эта заключалась въ обобщеніи и формулированіи тѣхъ нравственныхъ выводовъ, какіе вытекаютъ единственно изъ знанія и опытовъ жизни. Не его дѣло было систематизировать идеи, возводить ихъ къ отдаленнымъ началамъ, витать въ высшихъ сферахъ умозрѣній. Онъ не былъ идеалистъ; но его нельзя было также назвать и реалистомъ въ теоретическомъ смыслѣ, потому что онъ не способенъ былъ подчиниться теоріямъ, и онъ былъ бы очень удивленъ, если бы его вздумали причислить къ какой-нибудь партіи, или считать послѣдователемъ какого-нибудь ученія. Это вовсе не согласовалось ни съ любовію его къ свободѣ, ни съ его высокимъ здравомысліемъ, которое знало важность великихъ вопросовъ, но знало также и то, что не должно связывать себя отвѣтственностію въ рѣшеніи того, о чемъ нельзя сказать ничего рѣшительнаго. Онъ конечно, видѣлъ великость разстоянія между совершающимся въ судьбѣ и нравахъ людей и, между тѣмъ, что должно бы, по видимому, совершаться, но понималъ, что стадіи этого разстоянія не переходятся легко и быстро — и хотя на покушенія перебѣжкать ихъ вдругъ онъ смотрѣлъ безъ неприязни, однако не питалъ большой увѣренности въ ихъ успѣхѣ. За всѣмъ тѣмъ указывать на несообразности и противорѣчія въ быту людскомъ, онъ считалъ нужнымъ; въ этомъ заключалось его общественное призваніе. Ища удовлетворенія своимъ умственнымъ стремленіямъ въ кругу человѣческой дѣйствительности и различныхъ ея отношеній, онъ, естественно, долженъ былъ войти въ самую тѣсную связь съ тѣмъ, что всего ближе было къ нему — съ бытомъ и духомъ своего народа. Въ отечествѣ нашемъ не было другаго сильнаго ума, который бы, подобно Крылову, усвоилъ себѣ, или, лучше сказать, воплотилъ въ себя самыя стихіи народной индивидуальности, психологическія

особенности народа, его воззрѣнія на вещи, весь складъ его диалектики, приемы его мысли и слова. Получивъ въ даръ отъ природы необыкновенный умъ, онъ какъ бы вторично принялъ его изъ богатой сокровищницы народныхъ уметвенныхъ силъ и сталъ народнымъ писателемъ не потому уже, что того хотѣлъ, а потому что не хотѣть этого не могъ. Равнодушный ко всѣмъ выпренимъ утопическимъ и оптимическимъ мировоззрѣніямъ, тонкій наблюдатель жизни и знатокъ челоѳического сердца, аналитикъ, и немножко скептикъ въ жнзнейской практикѣ, онъ естественно былъ расположенъ къ проиіи; но и ее обнаруживалъ онъ въ народномъ смыслѣ и тонѣ. Эта спокойная, лукавая и вмѣстѣ добродушная проиія, въ которой сквозь незнаіе, ею выказываемое и отстраненіе себя отъ вопроса, свѣтятся какъ бы вскользь глубокое и вѣрное пониманіе настоящаго хода вещей и готовность вопросъ разрѣшить по своему — эта проиія, повсюду разлитая въ басняхъ Крылова, есть одно изъ самыхъ коренныхъ и глубокихъ свойствъ нашей народности. Иронія является и у другихъ писателей-баснописцевъ со свойственнымъ ей сатирическимъ направленіемъ. Но въ томъ-то и состоитъ гениальная черта нашего баснописца, что его проиія вылилась въ форму народнаго духа, получила отъ него особенную физиогномію, колоритъ, что ее нельзя ни вполнѣ понять, ни примѣнить нгдѣ и ни къ чему, какъ только посреди насъ и къ намъ. Не будь приправлена она свойственнымъ нашему національному характеру добродушіемъ, она могла бы принять видъ болѣе серьезный и даже мрачный. У нашего баснописца этого нѣтъ, потому что если серьезность въ известной степени намъ свойственна, то мрачность уже никакъ къ намъ нейдетъ. Заунывность нашихъ пѣсенъ ничего не доказываетъ; она есть выраженіе историческихъ моментовъ и положеній, а не природы нашей. Мы народъ жизни и движенія, и если мы иногда унываемъ, то не на долго и не съ тѣмъ, чтобы погрузиться въ плаксивое бездѣйствіе, которымъ обыкновенно сопровождается уныніе. Съ нашей грустной душой мы не менѣе того способны и готовы дать смѣлый и рѣшительный отпоръ всякой бѣдѣ, откуда бы она намъ ни угрожала. Враги наши думали иногда иначе — но они ошибались.

Нѣтъ никакой надобности приводить въ свидѣтельство ска-

заннаго здѣсь, мѣста изъ самыхъ басней, отзывающіяся народностию. Тутъ дѣло не въ частностяхъ, не въ отрывкахъ, не въ языкѣ даже, а въ направленіи, въ тонѣ каждой поэмы, въ цѣлостности взятой и всѣхъ ихъ вмѣстѣ съ первой до послѣдней. Тутъ Русь, тутъ Русью пахнетъ повсюду — въ главныхъ мотивахъ, на которые мѣтитъ авторъ, въ изобрѣщеніи содержанія, въ манерѣ повѣствованія, въ рѣчахъ лицъ повѣствующихъ. Что многія выраженія изъ басенъ могли сдѣлаться народными пословицами, это само собою разумѣется. Но всего удивительнѣе то, что всѣ эти лисцы, волки, медвѣди, быки, сурки, тигры, львы, гуси, даже голуби, прилетѣвшіе изъ чужой стороны, какъ будто родились и выросли на поляхъ и въ лѣсахъ нашихъ; они охотно сбѣжались, слетѣлись на зовъ волшебника-поэта, чтобы вмѣстѣ служить ему орудіемъ для изображенія важныхъ истинъ въ нашихъ правахъ и обществѣности.

Я сейчасъ говорилъ объ проиіи — это господствующій тонъ басенъ Крылова. Я позволяю себѣ остановиться еще на минуту на этомъ характеристическомъ качествѣ его ума. Нельзя не восхищаться ее прелестію, несмотря на то, что она колется порядочно. Въ самомъ дѣлѣ, сколько остроумія въ вымыслѣ, въ содержаніи, которыми выражается она, въ характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ и положеній ихъ! Какая простодушная веселость въ изображеніи нравовъ, обычаевъ всѣхъ странностей звѣринаго и птичьяго міра! Какъ смѣшонъ напр. хоть бы этотъ слонъ, мечтающій, что онъ поступилъ очень справедливо, позволивъ волкамъ сдирать кожу съ овецъ, но не трогать ихъ волоскомъ, или сколько комизма во всей этой исторіи, какимъ образомъ медвѣдь попалъ, по звѣриному выбору, въ надсмотрщики надъ ульями съ медомъ и что изъ этого произошло. Известно, что медвѣдь потаскалъ весь медъ въ свою берлогу; его отдали подъ судъ, отрѣшили отъ должности и приговорили, какъ знатнаго звѣря, пролезать зиму въ берлогѣ.

По меду все не воротили.

А мишенька и ухомъ не ведетъ.

Со свѣтомъ Мишка распрощался

Въ берлогу темную забрался

И лапу съ медомъ тамъ сосетъ,

Да у моря погоды ждетъ.

Крестьяне, претерпѣвъ великое разореніе отъ ручьевъ и рѣчекъ, разыгравшихся во время половодья, пошли жаловаться на нихъ рѣкѣ, въ которую эти ручья и рѣчки впадали. Рѣка была почтенная, текла величаво и тихо. Но, пришедши къ ней, просители увидѣли, что все ихъ добро, захваченное ихъ разорителями, по ней же плыветъ.

Тутъ понуству не зоводя хлопотъ,
Крестьяне лишь его глазами проводили,
Потомъ взглянулись межъ собой,
И, покачавши головой,
Пошли домой,
А, уходя проговорили:
На чтѣ и время тратить намъ;
На младшихъ не найдешь себѣ управы тамъ,
Гдѣ дѣлятся они со старшимъ по-поламъ.

Мужикъ поручилъ ослу на лѣто охранять его огородъ отъ воронъ и воробьевъ. Оселъ былъ честныхъ правилъ, но за дѣло взялся по-ослиному. Онъ

Гоня птицъ со всѣхъ ослинныхъ погъ
По всѣмъ грядамъ и вдоль и поперекъ
Такую поднялъ скачку,
Что въ огородѣ все принималъ и приптоталъ.

Волкъ искалъ мѣсто овечьяго старосты, и ему сильно покровительствовала лисица. Однако, какъ вообще волки не пользуются хорошей репутаціей, то велѣно было навести о немъ справки, и для этого собранъ былъ звѣриный сходъ. Голоса присутствовавшихъ оказались въ пользу кандидата, и онъ получилъ просимое имъ мѣсто въ овчарнѣ.

Да что же овцы говорили?
На сходѣ вѣдь онъ ужъ вѣрно былъ?
Вотъ то-то нѣтъ! овецъ-то и забыли!
А ихъ-то бы всего пужливѣй спросить.

Иногда баснописецъ оставляетъ звѣрей и содержаніе для своего иносказательнаго разсказа прямо беретъ изъ міра человѣческаго. Такъ онъ разсказываетъ анекдотъ про одного изъ своихъ пріятелей, который въ присутствіи его брился и терпѣлъ отъ того

несказанныя мученія. На замѣчаніе автора, что онъ оттого такъ страдаетъ, что у него бритвы тупы, чудакомъ отвѣчалъ:

Охъ, братецъ, признаюсь,
Что бритвы очень тупы!
.....
Да острыми-то я порѣзаться боюсь!
— А я, мой другъ, тебя увѣрить смѣю,

(Отвѣтилъ ему авторъ)

Что бритвою тупой изрѣжившись скорѣй,
А острою обрѣнешся вѣрнѣй:
Умѣй владѣть лишь ею.

Священникъ въ церкви произнесъ удивительную проповѣдь, которая всѣхъ присутствовавшихъ восхитила и растрогала до глубины сердца; всѣ почти плакали. Оказался однако и такой, который обнаружилъ полнѣйшее равнодушіе. Одинъ изъ слушателей обратился къ нему съ упрекомъ, говоря:

А у тебя, сосѣдъ, знать черствая природа,
Что на тебѣ слезинки не видать?
Иль ты не понимаешь? Ну, какъ не понимать!
Да плакать мнѣ какая стать!
Вѣдь я не здѣшняго прихода.

Вы чувствуете, что, изъ-за всѣхъ этихъ искусныхъ прикрытій иносказанія, авторъ бросаетъ стрѣлы свои не куда попало, а туда, гдѣ нужнѣе и общеполезнѣе ихъ уязвляющая сила. Извѣстно, что большая часть басенъ написана Крыловымъ по какому-нибудь поводу или случаю, происшедшему въ современномъ ему обществѣ. Далекое не всѣ эти случаи намъ извѣстны; конечно, любопытно было бы знать ихъ въ біографическомъ интересѣ и въ интересѣ исторіи нравовъ вообще. Но это рѣшительно не прибавило бы никакой цѣны самымъ произведеніямъ. Въ нихъ нѣчто болѣе, нежели намѣки на что-либо или кого-либо, и не будь, если они и будутъ забыты. Но не забудутся глубокой всенародной или всечеловѣческой смыслъ и идеи, высказанныя въ твореніяхъ гениальнаго писателя.

Таковъ умъ Крылова въ его басняхъ; но вѣдь это только умъ — гдѣ же поэзія, гдѣ художественность? могутъ спросить у меня. Конечно, надобно, чтобы басни эти были изящны и ху-

дожественны — ибо мм. гг., никакой умъ, ни самая даже народность не могли бы безъ этого возбудить въ сердцахъ такую всеобщую любовь къ нимъ. Любовь только тамъ, гдѣ красота. Таковъ ужъ человѣкъ. Бываютъ исключенія, но они рѣдки. Въ Крыловѣ выразился тотъ непреложный законъ человѣческой природы, по которому высшій умъ, несмотря даже на положительность своего направленія, тѣмъ возвышеннѣе, тѣмъ ближе къ поэзій, и это, безъ сомнѣнія, потому, что и поэзія есть дѣло умное. Конечно, не всякъ, одаренный высшимъ умомъ, способенъ специально сдѣлаться поэтомъ — для того нужны еще сила творчества, гений. Ими-то природа богато одарила Крылова въ дополненіе къ уму. Смотря на цѣли, какія онъ имѣлъ въ виду въ своихъ басняхъ, можно было бы опасаться, что мы увидимъ въ немъ сухаго холоднаго моралиста — этого, какъ извѣстно не случилось. Такимъ моралистомъ онъ не могъ быть уже потому, что вообще, по свойственной ему проиіи, не очень довѣрялъ возможности водворять мораль между людьми поученіями, а болѣе полагался въ томъ на силу вещей и силу впечатлѣнія, которая не только дѣлаетъ истину извѣстною, но и покоряетъ ей сердца. Въ немъ была какая-то двойственность — и то, что дѣлало его поучительнымъ, и то, что оставляя въ сторонѣ поучительность, дѣлало его просто привлекательнымъ и милымъ. Моралистъ въ басняхъ спрятался за прекрасными созданными имъ поэтическими образами, мало, кажется, думая о томъ, что отъ нихъ произойдетъ. Здѣсь онъ поэтъ и, повидному, только поэтъ, въ особенной формѣ. Онъ любитъ природу — и природа раскрыла передъ нимъ міръ своихъ роскошныхъ созданий съ разнообразными оттѣнками ихъ типическихъ свойствъ. Онъ занятъ только этими созданіями. Онъ любитъ ими, простосердечно играетъ съ ними, наблюдая въ то же время ихъ нравы и привычки, не какъ натуралистъ, а какъ членъ ихъ обширнаго семейства. Живыя силы природы имѣютъ неизъяснимую прелесть для поэта; они составляютъ для него неизсякаемый источникъ воодушевленія и поэтическихъ созерцаній. Смотря на Крылова съ этой точки зрѣнія, о немъ можно сказать словами одного изъ извѣстныхъ нашихъ поэтовъ:

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ,

Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ
И чувствовалъ травъ прозябанье.

Погруженный весь въ свой особенный міръ, онъ, повидному, не заботится о людяхъ и обращается къ нимъ только тогда, когда нужно у нихъ позаимствовать что-нибудь изъ ихъ свойствъ и быта, чтобъ надѣлать ими любимыя имъ существа. Въ этомъ странномъ мірѣ господствуетъ своя судьба, совершаются свои энические дѣйствія, разыгрываются свои драмы, серьезные и комическія, съ ихъ характерами и героями. И все это поэтъ передаетъ намъ съ такою прагматическою достовѣрностію, какъ бы тутъ не было ничего несбыточнаго и чрезвычайнаго. Читатель не успѣваетъ опомниться отъ обаянія этихъ волшебныхъ видѣній; онъ подозрѣваетъ, конечно, тутъ хитрый умыселъ вызвавшего ихъ чародѣя, который не можетъ же по совѣсти считать и самъ всю эту чудесную фантазмагорію мыслящихъ и говорящихъ птицъ, звѣрей, деревьевъ, за нѣчто серьезное и дѣйствительное; вы чувствуете, что онъ мѣтитъ на что-то иное и приведетъ васъ непременно къ результату съ другимъ смысломъ и значеніемъ. Однако-же и безъ этого, какъ хороши сами по себѣ эти миниатюрныя, полныя жизни и выразительности изображенія! Какъ отъ нихъ вѣетъ свѣжестію той первобытной силы, какая оживотворяетъ все сотворенное! И какъ въ то же время некусно все эти звѣри, звѣрки, птицы, даже цвѣты и деревья разыгрываютъ роль человѣка! Точно какъ-будто бы имъ ничего другаго и не приходилось дѣлать, какъ разыгрывать эту роль. Правда, они не всегда отличаются добрыми нравами и болѣею частію упражняются въ плутовствѣ и обманахъ; но это уже они дѣлаютъ сами отъ себя, не сносаясь съ человѣческими обычаями. Такова ихъ собственная натура. Вѣдь авторъ это и хочетъ выразить, не вдаваясь пока ни въ какіе выводы. Смотрите, съ какимъ невинно-лицемѣрнымъ видомъ эта благоприличная, граціозная плутовка лисица оправдывается передъ крестьяниномъ, когда тотъ упрекаетъ ее въ страсти красть куръ и представляетъ ей все невыгоды ея хищнической жизни.

Меня такъ все въ ней столько огорчаетъ,
Что даже мнѣ и пища не вкусна.

Когда-бъ ты зналъ, какъ я въ душѣ честна!
 Да что же дѣлать? нужда, дѣти;
 При томъ же иногда, голубчикъ-кумъ
 И то приходится въ умъ,
 Что я ли воровствомъ одна живу на свѣтѣ?
 Хоть этотъ промыселъ мнѣ точно острый ножъ.

Или та же лисица, съ пушкомъ на рылцѣ, отвѣчаетъ сурку,
 на его вопросъ, куда она бѣжитъ такъ безъ оглядки:

Охъ мой голубчикъ-куманекъ!
 Терплю напраслину и выгнана за взятки.
 Ты знаешь, я была въ курятникѣ судьей.
 Утратила въ дѣлахъ здоровье и покой
 Въ трудахъ куска не додала,
 Почей не доспала:
 И я-жъ за то подъ гнѣвъ подпала.
 А все по клеветамъ. Ну самъ подумай ты:
 Кто-жъ будетъ въ мѣрѣ правъ, коль слушать клеветы.
 Мнѣ взятки брать? да развѣ я взбѣшуся?

Волкъ, преслѣдуемый всѣмъ міромъ за его хищничество, за-
 думалъ удалиться въ страну, гдѣ, по его мнѣнію, ему не будетъ
 такъ худо — въ Аркадію и, прощаясь съ кукушкою, жалуется
 на оказываемыя ему несправедливости.

Напрасно я себя покоемъ здѣсь манилъ!
 Всѣ тѣ-жъ у васъ и люди и, собаки!
 Одинъ другаго злѣй, и ты хоть ангелъ будь,
 Такъ не минуешь съ ними драки.

Потомъ въ идиллическомъ восторгѣ онъ описываетъ благо-
 датный край — будущее свое убѣжище:

Сосѣдка! точно сторона!
 Тамъ, говорятъ, не знаютъ, что война;
 Какъ агнцы кротки человѣки,
 И молокомъ текутъ лишь рѣки.
 Ну словомъ, царствуютъ златыя времена!
 Какъ братья всѣ другъ съ другомъ поступаютъ,
 И даже, говорятъ, собаки тамъ не лаютъ
 Не только не кусаютъ.

Кукушка ему дѣлаетъ проницескій вопросъ:

А свой ты нравъ и зубы,
 Здѣсь кинешь, или возмешь съ собой?

И на отрицательный отвѣтъ его замѣчаетъ:
 Такъ вспомни же меня, что быть тебѣ безъ шубы.

Не могу удержаться, чтобъ не привести еще прелестной по-
 этической картины изъ басни, гдѣ рассказывается, какъ кроткій,
 тихій ручеекъ, сдѣлавшійся отъ дождя большимъ потокомъ, не
 вынесъ своего величія, загордился и забушевалъ. Пастухъ поте-
 рялъ ягненка, который утонулъ въ рѣкѣ. Свидѣтель этого пе-
 чального событія, ручей, вотъ какъ упрекаетъ виновницу его горя:

Рѣка несмтал! что еслибъ дно твое
 Такъ было, какъ мое,
 Для всѣхъ и ясно и открыто,
 И всякій видѣлъ бы на тинистомъ семь днѣ
 Всѣ жертвы, кои ты столь алчно поглотила.
 Я чай бы со стыда ты землю сквозь прорыла
 И въ темныхъ пропастяхъ себя сокрыла.
 Мнѣ кажется, когда бы мнѣ
 Дала судьба обильныя столь воды,
 Я, украшеньемъ ставъ природы,
 Не сдѣлала курицѣ бы зла.
 Какъ осторожно бы вода моя текла
 И мимо хижины, и каждаго кусточка!
 Благословляли бы меня лишь берега,
 И я бы освѣжала долины и луга,
 Но съ нихъ бы не унесъ листочка.
 Ну словомъ, дѣлая путемъ моимъ добро,
 Не приключая нигдѣ ни бѣды ни горя,
 Вода моя до самаго бы моря
 Такъ докатилася чиста какъ серебро.

Но вотъ:

Туча ливнемъ надъ ближнею горой
 Разсѣлась;
 Богатствомъ водъ ручей сравнялся вдругъ съ рѣкой;
 Но ахъ! куда въ ручѣ смиренность дѣлась?
 Ручей изъ береговъ бьетъ мутною волной,
 Кипитъ, реветъ, крутитъ нечесту пѣну въ клубы,
 Столѣтніе валятся дубы,
 Лишь трески слышны въ далекахъ;
 И самый тотъ пастухъ, за коего рѣкъ
 Пенялъ недавно онъ такимъ кудрявымъ складомъ
 Погибъ со всѣмъ своимъ въ немъ стадомъ,
 А хижины его пропали и слѣды.

Но говоря о богатствѣ, разнообразіи и живости образовъ въ поэмахъ нашего неподражаемаго баснописца, о его творческой силѣ, я еще ничего не сказалъ о томъ, въ какой степени является въ этихъ поэмахъ организующій, распорядительный, вполне художественный гений. Строгая соразмѣрность, въ частяхъ каждой поэмы — вотъ что прежде всего представится вамъ, когда вы вникните въ составъ ея. Характеры, дѣйствія, описанія все здѣсь опредѣляется значеніемъ основной идеи, и каждый изъ этихъ элементовъ участвуетъ въ общемъ развитіи цѣлаго, не болѣе какъ сколько нужно. Здѣсь нѣтъ ничего случайнаго, такъ же какъ и ничего съ усиленіемъ придуманнаго. Крыловъ въ высшей степени одаренъ былъ тѣмъ, что можно назвать силою художественнаго самообладанія — качествомъ чрезвычайно рѣдкимъ, но и весьма важнымъ, особенно въ писателѣ; при легкости орудія, которое ему дано, слова, качество это служитъ ручательствомъ, что онъ ничего не скажетъ, о чемъ впоследствии будетъ сожалѣть самъ, или его читатели. Крыловъ могъ дать отчетъ передъ обществомъ передъ разумомъ и критикой въ каждомъ образѣ имъ созданномъ, въ каждой мысли, въ каждомъ словѣ. Это родъ доблести эстетической, такъ, какъ самообладаніе нравственное составляетъ доблесть воли. Какъ послѣдняя принадлежитъ характерамъ великимъ, такъ первая писателямъ, образцы коихъ особенно завѣщала намъ классическая древность. Обращаясь къ другимъ отличіямъ въ общемъ характерѣ поэмъ Крылова, я уже не говорю объ объективности его изображеній: она составляетъ необходимую принадлежность всякаго истинно художественнаго творчества. Гдѣ нѣтъ ея, тамъ могутъ быть идеи, покушенія реализовать ихъ, можетъ быть какъ бы призывъ къ дѣлу, но самое дѣло оказывается несостоявшимся. Объективность и есть настоящее созданіе; что не объективно, то для насъ исчезаетъ безразлично въ безконечномъ круговоротѣ представлений. Чувство отражается въ предметѣ, его возбуждемъ, и потому самая лирика имѣетъ свою объективность, безъ чего она превращается съ одни неопредѣленные, хотя гармоническіе звуки: здѣсь она лучше сдѣлается, если уступитъ права свои музыкѣ. Та же гармонія и та же мудрая сдержанность, которую мы сейчасъ видѣли у Крылова въ развитіи цѣлаго, простираются и на каждую частность въ

его поэмахъ въ особенности. И здѣсь у него нѣтъ изображенія, которое бы не было довершено вполне, такъ, какъ это нужно для цѣли и идеи автора, которое бы нуждалось въ поясненіи или изъ котораго бы можно было сдѣлать малѣйшее исключеніе, не уничтожая всей прелести сказаннаго. Все необходимое тутъ прекрасно, и все прекрасное необходимо. Замѣтить, чтобы онъ чего-нибудь не договорилъ или сказалъ что-нибудь лишнее, не впасть, что-нибудь ослабилъ, или усилилъ вопреки своей задачѣ и потребности, есть чистая невозможность. Его можно было бы развѣ упрекнуть въ одномъ — въ тѣхъ прибавленіяхъ, которыми онъ, по обычаю баснописцевъ, выражаетъ такъ-называемую мораль басни. Мораль эта, если можно дать ей это имя, такъ ясно просвѣчиваетъ въ каждомъ изъ его иносказаній, что всякое изъясненіе оказывается излишнимъ. Притомъ и самый смыслъ каждой изъ басенъ гораздо глубже, захватываетъ область мыслей и сердца гораздо обширнѣе того, что можно выразить въ краткой сентенціи. Но мы скажемъ его же словами:

Ужь коли терять, такъ лучше отъ богатства.

Всѣ эти добавленія дотого остроумны, исполнены такихъ глубокихъ истинъ и такъ прекрасно изложены, что, отдѣливъ ихъ, изъ нихъ однихъ можно составить антологию, которая бы послужила украшеніемъ любой литературы.

Удивительная способность собирать себя, сосредоточиваться въ одной мысли или намѣреніи, при необыкновенной раздѣльности и ясности понятій, давала автору возможность группировать и выражать всѣ частности въ самыхъ сжатыхъ и немногихъ чертахъ, а тонкое знаніе языка во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ и формаціяхъ, отъ высшей до самой низшей, надѣляло его способами придавать этимъ чертамъ такую точность и пластическую видимость, какъ будто они были вырѣзаны на мѣди. Часто одного краткаго оборота рѣчи было для него достаточно, чтобы нарисовать картину, одного слова, или, такъ-сказать, удара его кисти, чтобъ картинѣ этой придать извѣстный оттѣнокъ, колоритъ. А какъ онъ думалъ и выражался по думамъ и сердцу своего народа, то неудивительно, что многіе изъ оборотовъ его рѣчи превращались скоро въ народныя пословицы и поговорки. Кому неизвѣстно, кто иногда не прилагалъ къ лицамъ и событіямъ такихъ

выражений, какъ напримѣръ: *У него пушекъ на рыльцѣ; или ларчикъ просто открывался; да чтобъ цусей не раздражить; а жаль, что незнакомъ ты съ нашимъ тѣтухомъ; въ комъ нужда, ужъ того мы знаемъ, какъ зовутъ; услужливый дуракъ опаснѣе врага; слона-то я и не прилѣтилъ; Васька слушаетъ да ѣстъ; еще та релочку; а только кинь имъ кость, такъ-что твои собаки.*

При такой строгой экономіи въ употребленіи мыслей и языка, при такой бдительной управѣ надъ ними и контролированіи самаго себя, какими отличался Крыловъ, надобно было бояться нѣкотораго охлажденія въ самыхъ процессахъ его живописанія, нѣкоторой искусственности въ манерѣ и принужденности; но вы знаете, что ничего подобнаго и тѣни нѣтъ въ басняхъ Крылова. Напротивъ, его постоянно сопровождаютъ обычныя его спокойное одушевленіе, веселость и простота. Во всемъ ходѣ и развитіи каждой изъ его поэмъ вы не видите также ни малѣйшихъ признаковъ какого-нибудь техническаго затрудненія, никакой приостановки, спайки между частями и т. п. Изложеніе течетъ, движется дотога свободно и легко, переходы отъ одного момента или отъѣмка къ другому, такъ естественны, что вамъ кажется, будто авторъ всю эту систему событій, лицъ, положеній произвелъ однимъ приемомъ, однимъ непрерывавшимся актомъ своей творческой мысли.

Послѣ всего, что я имѣлъ честь изложить предъ вами, что же можно вообще сказать о Крыловѣ? Когда Сервантесъ написалъ свой знаменитый романъ, вѣроятно онъ не думалъ, какую мудрую книгу подарилъ онъ людямъ. И многіе восхищались и восхищаются ею, видѣли и видятъ въ ней то остроумную сатиру на нравы, то увлекательный и веселый вымыселъ. Но истинное значеніе Сервантесова творенія не опредѣляется этимъ: это вѣчная дума философа о трагической долѣ всего великаго на землѣ и вмѣстѣ неліцепріятный судъ разума надъ самимъ собою, когда онъ простираетъ свои притязанія и цѣли слишкомъ далеко за предѣлы существующаго и дѣйствительнаго порядка вещей. Такъ, разсуждая о нашемъ Крыловѣ, мы далеко не все скажемъ о немъ, когда назовемъ его баснописцемъ и поэтомъ въ самомъ высшемъ и лучшемъ значеніи этихъ словъ. И самая пронія его столь тонкая и многозначущая, изобличающая такую проница-

тельность и независимость ума, не довершишь настоящаго о немъ понятія. Правда, въ духѣ ея, онъ говорилъ со своимъ народомъ такъ, какъ говорилъ бы народъ самъ съ собою. Это высокое достоинство. Но важно то, что заключалось въ его словахъ. Онъ говорилъ ему о недостаткахъ, порокахъ человѣческихъ, а болѣе всего о тѣхъ, которые поражаютъ самыя основы человѣческаго быта — о грубыхъ нарушеніяхъ правды и законности, о злоупотребленіяхъ силы и власти, даруемыхъ установленіями общества. Этимъ-то онъ предостерегалъ своихъ соотечественниковъ отъ подобныхъ нравственныхъ золъ и направлялъ умъ ихъ къ пониманію истинныхъ условій общественнаго добра. Его даютъ читать и учить наизусть дѣтямъ; дѣйствительно и для дѣтей онъ всегда будетъ самымъ привлекательнымъ собесѣдникомъ, наставникомъ въ нѣкоторыхъ нравственныхъ истинахъ, въ чистотѣ и красотахъ самороднаго русскаго слова. Но сущность и духъ его уроковъ принадлежатъ не имъ, а ихъ отцамъ и взрослымъ братьямъ. Чаше всего должны ихъ выслушивать высшіе дѣятели общества, вожди его, когда въ тишинѣ они захотятъ бесѣдовать со своею совѣстію. Такъ изъ глубины прони, повитой цвѣтами поэзіи, возникаетъ предъ нами, самъ того не подозревая, великій учитель, мудрецъ народа и его неподражаемо-изящныя басни становятся для насъ лучшею книгой общественной нравственности.

Я прошу у васъ, мм. гг., позволенія заключить мою рѣчь стихами маститаго нашего поэта, одного, сохранившагося доселѣ, благодаря Богу, изъ семьи лучшихъ и благороднѣйшихъ нашихъ литературныхъ дѣятелей, къ которой принадлежалъ и Крыловъ — стихами князя П. А. Вяземскаго, которыми онъ привѣтствовалъ знаменитаго баснописца въ день празднованія пятидесятилѣтія его литературной дѣятельности.

Забавой онъ людей исправилъ,
Сметая съ нихъ пороковъ пылъ;
Онъ баснями себя прославилъ,
И слава эта — наша былъ.
И не забудутъ этой были,
Пока по-русски говорить:
Ее давно мы затвердили,
Ее и внуки затвердятъ.

ОБЪ ОДНОМЪ МЕХАНИЗМЪ.

Чтано 8 октября 1868 г.

Въ Мемуарѣ, подъ заглавіемъ: *Théorie des mécanismes connus sous le nom de parallélogrammes (Mémoires des savants étrangers. Tome VII)*, мы показали какимъ образомъ чрезъ послѣдовательныя приближенія можно найти съ желаемою степенью точности невыгоднѣйшіе размѣры составныхъ частей *параллелограмма Ватта* и другихъ механизмовъ того же рода, доставляющихъ движеніе близкое къ прямолинейному. Чрезъ разложеніе въ ряды мы свели этотъ вопросъ на опредѣленіе цѣлыхъ функций, наиболее подходящихъ къ нулю, и въ Мемуарѣ, подъ заглавіемъ: *Sur les questions de minima qui se rattachent à la représentation approximative des fonctions (Mémoires de l'Académie. Tome VII)*, мы разсмотрѣли опредѣленіе подъ такимъ условіемъ функций цѣлыхъ и дробныхъ. Для приближенныхъ рѣшеній этого достаточно, но для точнаго рѣшенія необходимо подвергнуть такому же анализу функций ирраціональных, которыя здѣсь представляются. Приложение къ такимъ функциямъ общей теоремы, доказанной нами въ послѣднемъ изъ вышеупомянутыхъ Мемуаровъ касательно выраженій, наиболее подходящихъ въ нулю, интересно во многихъ отношеніяхъ, и какъ одинъ изъ результатовъ такого приложения мы теперь покажемъ устройство одного механизма, замѣчательнаго и по своей простотѣ и по точности, съ которою онъ даетъ прямолинейное движеніе.

Этотъ механизмъ состоитъ изъ тѣхъ же частей, какъ и *сокращенный параллелограммъ Ватта*, также сочлененныхъ между собою; вся разница—въ направленіи рычаговъ, вращающихся около неподвижныхъ осей: они идутъ въ одну сторону и между собою перекрещиваются. Рычаги берутся одинакой длины и точка, доставляющая желаемое движеніе, находится на серединѣ части, сочлененной помощію шарнировъ съ концами рычаговъ. Прилагая вышеупомянутую теорему къ функции, опредѣляющей движеніе этой точки, находимъ, что движеніе ея наиболее подходитъ къ прямолинейному, на протяженіи болѣе или менѣе значительномъ, при слѣдующихъ условіяхъ:

1) Если разстояніе между осями вращенія рычаговъ составляетъ одну треть длины всѣхъ трехъ частей механизма, т. е. двухъ рычаговъ и части, сочлененной съ ними.

2) Если часть, сочлененная съ концами рычаговъ, длиннѣе четверти каждою изъ рычаговъ. Чѣмъ ограниченнѣе то пространство, на которомъ желаютъ имѣть движеніе близкое къ прямолинейному, тѣмъ длина этой части должна быть ближе къ четверти длины рычаговъ, и тѣмъ съ большею точностію получается прямолинейное движеніе. Длина этой части опредѣляется такимъ уравненіемъ:

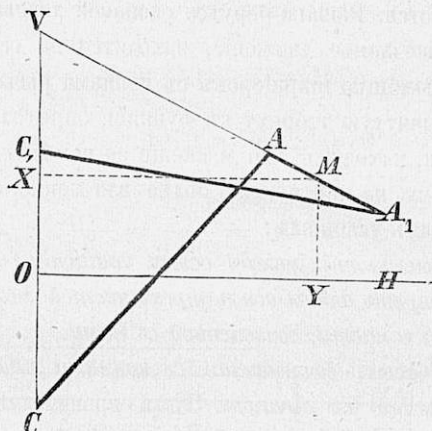
$$l^2 = \frac{(5-2a)(2a+1)(4a-1)}{(a+2)^2};$$

гдѣ a длина этой части, l длина хорды той дуги, которую стараются сдѣлать по возможности ближе къ прямой линіи. (За единицу принимается длина рычаговъ). Получаемая при этомъ дуга, какъ не трудно убѣдиться, будетъ вся заключаться между двумя параллелями, отстоящими отъ осей вращенія рычаговъ на разстояніи равныя

$$\sqrt{\frac{4}{9}(1-a)(2+a)}, \quad \sqrt{\frac{4}{9}(1-a)(2+a) + \frac{(4a-1)^3}{12(a+2)^2}}$$

Въ самомъ дѣлѣ. Пусть будетъ (Фиг. 1) CAA_1C_1 разсматриваемый механизмъ, гдѣ $AC = 1$, $A_1C_1 = 1$ — рычаги, вращающіеся около осей C, C_1 ; $AA_1 = a$ — часть, сочлененная помощію шар-

Фиг. 1.

нировъ съ концами рычаговъ, и середина которой M даетъ желаемое движеніе. По сказанному нами, CC_1 , разстояніе между осями вращенія рычаговъ AC, A_1C_1 , должно равняться

$$\frac{AC + A_1C_1 + AA_1}{3} = \frac{2+a}{3}.$$

Возставляя изъ середины линіи CC_1 перпендикуляръ OH и продолжая линіи CC_1, A_1A до пересѣченія ихъ въ точкѣ V , мы, для опредѣленія разстоянія точки M отъ линіи CV, OH , изъ треугольника MXV , прямоугольника $MXOY$ и треугольниковъ ACV, A_1C_1V получаемъ такія уравненія:

$$MX = MV \sin. OVM;$$

$$MY = OX = OV - MV \cos. OVM;$$

$$AC^2 = (MV - AM)^2 + (OV + OC)^2 - 2(MV - AM)(OV + OC) \cos. OVM;$$

$$A_1C_1^2 = (MV + A_1M)^2 + (OV - OC_1)^2 - 2(MV + A_1M)(OV - OC_1) \cos. OVM.$$

Изъ этихъ уравненій, полагая

$$\sin. \frac{OVM}{2} = S$$

и замѣчая, что по вышесказанному

$$AC = 1, \quad A_1C_1 = 1,$$

$$AM = A_1M = \frac{AA_1}{2} = \frac{a}{2},$$

$$OC = OC_1 = \frac{CC_1}{2} = \frac{2+a}{6},$$

мы находимъ

$$1) \dots MX = a \sqrt{\frac{\left(\frac{4(1-a)}{3a} + S^2\right) \left(\frac{1+2a}{3a} - S^2\right)}{\frac{(1+2a)^2}{3(2+a)} - S^2}};$$

$$2) \dots MY = a \sqrt{\frac{\left(\frac{4(1-a)}{3a} + S^2\right) (1 - S^2) S^2}{\frac{(1+2a)^2}{3(2+a)a} - S^2}}.$$

Опредѣляя по формулѣ (1) величину разностей

$$MX^2 - \frac{4}{9}(1-a)(2+a)$$

и

$$MX^2 - \frac{4}{9}(1-a)(2+a) - \frac{(4a-1)^3}{12(2+a)^2},$$

мы находимъ, что онѣ представляются такъ:

$$\frac{a^2 \left(S^2 - \frac{4a-1}{3a}\right)^2 S^2}{\frac{(1+2a)^2}{3(2+a)a} - S^2},$$

$$\frac{a^2 \left(S^2 - \frac{(4a-1)(1+2a)}{6(2+a)a} \right)^2 \left(S^2 - \frac{4a-1}{(2+a)a} \right)}{\frac{(1+2a)^2}{3(2+a)a} - S^2},$$

а потому произведение

$$\left[MX^2 - \frac{4}{9}(1-a)(2+a) \right] \left[MX^2 - \frac{4}{9}(1-a)(2+a) - \frac{(4a-1)^3}{12(2+a)^2} \right]$$

равняется

$$\left[\frac{a^2 \left(S^2 - \frac{4a-1}{3a} \right) \left(S^2 - \frac{(4a-1)(1+2a)}{6(2+a)a} \right) S}{\frac{(1+2a)^2}{3(2+a)a} - S^2} \right]^2 \left(S^2 - \frac{4a-1}{(2+a)a} \right).$$

Такъ какъ здѣсь квадратъ

$$\left[\frac{a^2 \left(S^2 - \frac{4a-1}{3a} \right) \left(S^2 - \frac{(4a-1)(1+2a)}{6(2+a)a} \right) S}{\frac{(1+2a)^2}{3(2+a)a} - S^2} \right]^2$$

при всѣхъ дѣйствительныхъ величинахъ S имѣетъ значеніе положительное, а множитель

$$S^2 - \frac{4a-1}{(2+a)a}$$

при $S^2 < \frac{4a-1}{(2+a)a}$ имѣетъ значеніе отрицательное, то при измѣненіи S^2 отъ 0 до $\frac{4a-1}{(2+a)a}$ произведение

$$\left[MX^2 - \frac{4}{9}(1-a)(2+a) \right] \left[MX^2 - \frac{4}{9}(1-a)(2+a) - \frac{(4a-1)^3}{12(2+a)^2} \right]$$

будетъ оставаться отрицательнымъ; а для этого множителя

$$MX^2 - \frac{4}{9}(1-a)(2+a),$$

$$MX^2 - \frac{4}{9}(1-a)(2+a) - \frac{(4a-1)^3}{12(2+a)^2}$$

должны имѣть противные знаки, и слѣд., величина

$$MX^2$$

должна заключаться между величинами

$$\frac{4}{9}(1-a)(2+a),$$

$$\frac{4}{9}(1-a)(2+a) + \frac{(4a-1)^3}{12(2+a)^2}.$$

Изъ этого видно, что отъ $S^2 = 0$ до $S^2 = \frac{4a-1}{(2+a)a}$ разстояніе точки M отъ линіи CC_1 будетъ заключаться въ предѣлахъ

$$\sqrt{\frac{4}{9}(1-a)(2+a)},$$

$$\sqrt{\frac{4}{9}(1-a)(2+a) + \frac{(4a-1)^3}{12(2+a)^2}},$$

и слѣд., точка M не будетъ выходить изъ пространства, ограниченного линіями параллельными линіи CC_1 и отстоящими отъ нея на разстояніи

$$\sqrt{\frac{4}{9}(1-a)(2+a)},$$

$$\sqrt{\frac{4}{9}(1-a)(2+a) + \frac{(4a-1)^3}{12(2+a)^2}}.$$

Съ другой стороны, по устройству механизма нами разсматриваемаго, точка M будетъ одинаково двигаться снизу и сверху линіи OH . Вслѣдствіе этого дуга, описываемая ею при измѣненіи S^2 отъ 0 до $\frac{4a-1}{(2+a)a}$, будетъ одинаково расположена по ту и по другую сторону линіи OH , и хорда l , стягивающая такую ду-

гу, будетъ равняться удвоенному разстоянію концевъ ея отъ линіи OH . Но по формулѣ (2), дѣлая въ ней

$$S^2 = \frac{4a-1}{(2+a)a},$$

мы находимъ, что это разстояніе выражается такъ:

$$MY = \sqrt{\frac{(5-2a)(1+2a)(4a-1)}{4(2+a)^2}}.$$

А потому

$$l = 2 \sqrt{\frac{(5-2a)(1+2a)(4a-1)}{4(2+a)^2}},$$

что по возведеніи въ квадратъ даетъ

$$l^2 = \frac{(5-2a)(1+2a)(4a-1)}{(2+a)^2}.$$

Такъ мы убѣждаемся, что, при l удовлетворяющемъ этому уравненію, дуга, стягиваемая хордою l и которой середина находится на линіи OH , дѣйствительно вся заключается между двумя вышепоказанными параллелями.

Всякой разъ, когда величина a не значительно разнится съ $\frac{1}{4}$, эти параллели близки другъ къ другу, а потому и дуга, разсматриваемая нами, мало отличается отъ прямой линіи. Но по мѣрѣ удаленія a отъ $\frac{1}{4}$, вышепоказанныя параллели другъ отъ друга отодвигаются и разсматриваемая нами дуга болѣе и болѣе изгибается. При a превосходящемъ 0,546 *) (что соответствуетъ $l > 1,222$) эти изгибы до такой степени значительны, что разсматриваемая нами дуга въ концахъ своихъ загибается къ линіи OH , вслѣдствіе чего наибольшее удаленіе точекъ отъ линіи OH

*) Т. е. корень уравненія $(a^2 - 6a + 2)(2a - 5)(2a + 1) - \frac{27}{4}(4a - 1) = 0$, которое получаемъ, приравнивая нулю производную MY^2 по S и полагая въ ней $S^2 = \frac{4a-1}{(2+a)a}$.

имѣеть мѣсто не въ концахъ дуги, а въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ.

Чтобы показать до какой степени движеніе, доставляемое этимъ механизмомъ, близко подходитъ къ прямолинейному на пространствѣ довольно значительномъ, мы приложимъ вышепоказанныя формулы къ случаю

$$l = 0,64,$$

какъ это имѣеть мѣсто въ параллелограммѣ Вагга, котораго дѣйствіе изслѣдовалъ Прони и нашелъ весьма удовлетворительнымъ. (Annales des mines. Tome XII).

Принимая $l = 0,64$ и рѣшая при этой величинѣ l уравненіе

$$l^2 = \frac{(5-2a)(1+2a)(4a-1)}{(2+a)^2},$$

мы находимъ

$$a = 0,327.$$

Вставляя эту величину a въ выраженія

$$\sqrt{\frac{4}{9}(1-a)(2+a)},$$

$$\sqrt{\frac{4}{9}(1-a)(2+a) + \frac{(4a-1)^3}{12(2+a)^2}},$$

опредѣляющія разстояніе параллелей отъ осей вращенія рычаговъ, мы находимъ, что первое равняется

$$0,83428,$$

а второе

$$0,83457.$$

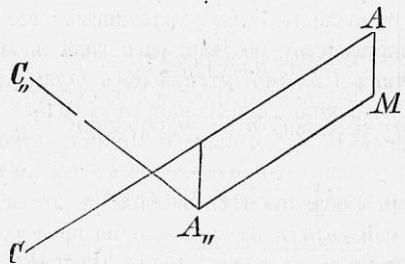
Слѣд., разстояніе между параллелями будетъ

$$0,83457 - 0,83428 = 0,00029.$$

По вычислениямъ же Прони въ паровой машинѣ, гдѣ плечо коромысла имѣло 2,515 метра длины, параллелограммъ Ватта представлялъ уклоненія простиравшіяся до 0,002 метра, или до 0,00079, если принять за единицу плечо коромысла. При дѣйствіи же механизма нами рассмотрѣннаго эти уклоненія, какъ сей часъ нашли, будутъ простираются только до 0,00029, что не составляетъ и половины числа 0,00079.

Замѣтимъ въ заключеніе, что извѣстное построеніе, служащее для перехода отъ сокращеннаго параллелограмма Ватта къ полному, прилагается безъ всякаго измѣненія къ механизму нами рассмотрѣнному, и чрезъ то получается полный параллелограммъ Ватта съ отводнымъ радіусомъ, направленнымъ въ противную сторону и пересѣкающимся съ коромысломъ. Такой параллелограммъ представленъ на фигурѣ 2-ой, гдѣ точка M будетъ описывать

Фиг. 2.

дугу, которая, какъ видно изъ предыдущаго, будетъ менѣе уклоняться отъ вертикальной линіи, чѣмъ та, которая получается при обыкновенномъ расположеніи отводнаго радіуса $A''C''$. Но при такомъ измѣненіи въ устройствѣ параллелограмма Ватта линія, описываемая точкою M , какъ видно изъ чертежа, дѣлаетъ слишкомъ острый уголъ съ коромысломъ AC , что составляетъ весьма важное неудобство.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ

ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ЗАСѢДАНІЙ АКАДЕМІИ.

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ.

ЗАСѢДАНІЕ 2 АВГУСТА 1868.

Г. Управлявшій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, отношеніемъ отъ 3 мнѣшаго іюля, увѣдомляетъ, что Высочайшимъ приказомъ по Министерству 28 іюня сего года за № 9, Экстраординарный Академикъ Савичъ утвержденъ Ординарнымъ Академикомъ по части астрономіи, съ 10 мая 1868 года.

Чтано отношеніе г. Управлявшаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія отъ 6 іюля сего года, о томъ, что по всеподданнѣйшему его докладу, Государь Императоръ въ 28 день мнѣшаго іюня Высочайше соизволилъ на утвержденіе профессора Бернскаго университета Вильда Экстраординарнымъ Академикомъ по Физикѣ и Директоромъ Главной Физической Обсерваторіи.

Доложено, что со времени послѣдняго засѣданія Собранія отпечатаны и выпущены въ свѣтъ: 1) *Торжественное собраніе Императорской Академіи Наукъ 29 декабря 1867 года. Рѣчи, произнесенныя въ семь собраній, съ приложеніемъ портретовъ Академиковъ Высокопреосвященнаго Филарета, митрополита Московскаго, и Л. М. Кемца; и 2) Сборникъ статей, читанныхъ въ Отдѣленіи Русскаго языка и словесности. Томъ II. Съ двумя портретами и съ снимкомъ почерка.*

Предсѣдатель Московскаго Археологическаго Общества, графъ А. С. Уваровъ, отношеніемъ отъ 9 іюля сего года увѣдомляетъ, что Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на открытіе въ Москвѣ, осенью текущаго года, съѣзда русскихъ ар-

геологовъ. Въстѣ съ тѣмъ, сообщая о принятыхъ Обществомъ предварительныхъ мѣрахъ къ устройству сего съѣзда, графъ А. С. Уваровъ проситъ Академію оказать зависящее содѣйствіе успѣху онаго. Конференція положила поручить особой Комиссіи изъ гг. Академиковъ Устрялова, Броссе, Стефани, Срезневскаго, Грота, Куника и Бычкова обсудить вопросъ о томъ, въ чемъ можетъ состоять содѣйствіе Академіи успѣху означеннаго съѣзда.

Е. Скайлеръ, консулъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ въ Москвѣ, письмомъ отъ 14 іюля сего года, благодаритъ онъ имени Йольскаго университета, за доставленные для бібліотеки онаго, недостававшіе въ ней выпуски Мемуаровъ и Бюллетеня.

Представленъ экземпляръ объявленія о подпискѣ на каталогъ рукописей бібліотеки Св. Марка въ Венеціи, изданіе коего принято директоромъ оной аббатомъ Валентинелли. — Положено передать это объявленіе бібліотекарю II Отдѣленія бібліотеки Академіи, съ тѣмъ, чтобы онъ сдѣлалъ распоряженіе о подпискѣ для Академіи, черезъ коммисіонера Л. Фосса, на одинъ экземпляръ означеннаго изданія.

Императорское Минералогическое Общество, отношеніемъ отъ 24 іюля 1868 г. за № 97, Императорскій Харьковскій университетъ, отношеніемъ отъ 12 іюля 1868 г. за № 1494 и Придворная Библиотека въ Мюнхенѣ, отношеніемъ отъ 7 августа н. ст., благодарятъ за доставленные имъ изданія Академіи.

Представлены Собранію сочиненія, присланныя Академіи въ даръ, при отношеніяхъ: 1) Московскаго Общества Испытателей Природы (отъ 16 іюля 1868 г. за № 1259); 2) Общества любителей естествознанія, состоящаго при Московскомъ Университетѣ (отъ 24 мая 1868 г. за № 596); 3) Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества (отъ 3 іюня 1868 г. за № 275); 4) Лейденскаго Университета (отъ марта 1868 г.) и 5) А. Шанова, изъ Кіева отъ 24 мая 1868 г.). — Безъ отношеній доставлены: 1) Сельское Хозяйство и Лѣсоводство. Май, іюнь и іюль 1868 г.; 2) Университетскія Извѣстія. Май и іюнь. Кіевъ 1868 г.; 3) Морской Сборникъ. Іюнь и іюль 1868 г.; 4) Горный Журналъ № 6 п 7, 1868 г.; 5) Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Т. IV, № 3 и 4; 6) Сѣмечкинъ, Л. Лекціи о морской тактикѣ и эволюціяхъ. Спб. 1868 г.; 7) Вальдемаръ, X. Приглашеніе прибрежныхъ жителей С. Петербургской, Новгородской, Олопецкой и др. губерній взятыя за дѣло русскаго мореплаванія.

Москва 1868 г.; 8) Труды Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества. 1868 г., Т. II, вып. 3, 4 и 5; Т. III, вып. 1: 9) Извѣстія и ученія записки Казанскаго Университета. 1867 г., вып. IV; 10) Миллиевичъ, М. Путничка писма с разныхъ страна Србије о Србији. У Београду, 1868 г.; 11) Филологическія Записки. 1868 г., вып. 2. Воронежъ; 12) Гауровицъ, И. Военно-санитарныя учрежденія Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ во время послѣдней войны. Спб. 1868 г.; 13) Proceedings of the Royal Institution of Great Britain. Vol. V, part. I, II. № 45, 46. London 1867; 14) The Quarterly Journal of the Geological Society. Vol. XXIV, part. 2. № 94. London 1868; 15) Proceedings of the Meteorological Society. Vol. IV, № 33 — 36. London 1867, 1868; 16) The Journal of the Chemical Society. New series. Vol. V, VII. London 1867 — 1868; 17) Royal Microscopical Society. The Presidents Address for the year 1867 — 1868; 18) Matteucci, C. Sulle correnti elettriche della terra. Firenze 1867; 19) Collection de documents inédits sur l'histoire de France. Ire série. Histoire politique. Lettres du Cardinal de Richelieu. Paris 1867; 20) Correspondance de Napoléon I. T. XXIII. Paris 1867; 21) Mémoires présentés par divers savants à l'Académie des sciences de l'Institut Impérial de France. Sciences mathématiques et physiques. T. XVIII. Paris 1868; 22) Daubrée, A. Rapport sur les progrès de la Géologie expérimentale. Paris 1867; 23) Defrémery, M. Ch. Deux articles: 1° Sur un dictionnaire des mots français dérivés de l'arabe, du persan et du turc; 2° Sur une édition d'un ouvrage arabe. Paris 1867; 24) Schaffers, V. Anvers considéré sous le rapport de ses travaux maritimes. Anvers 1868; 25) Annales de l'Observatoire royal de Bruxelles. Feuille 5, p. 33 — 40; 26) Monatsbericht der k. preuss. Akademie der Wissenschaften. Januar — März und April 1868; 27) Rendiconto delle tornate e dei lavori dell' Accademia di scienze morali e politiche. Anno 7mo. Quaderni di febbrajo, marzo ed aprile 1868. Napoli 1868; 28) Chemical Society. Anniversary Adress and Report. March 30, 1868. London; 29) Ellero, P. Archivio Giuridico. Vol. I, fasc. 4. Bologna 1868; 30) Proceedings of the Royal Society. Vol. XVI, № 102. London 1868; 31) Jahrbuch der k. k. Geologischen Reichsanstalt. Jahrgang 1868; XVIII. Band, № 2. Wien; 32) Verhandlungen der k. k. Geologischen Reichsanstalt. № 7. Wien 1868; 33) Haidinger, W. Zur Erinnerung an F. Frh. v. Thinefeld. Wien 1868; 34) Sitzungsberichte der k. Akademie der Wissenschaften zu München. 1867, Heft 2 und 3. München 1867; 35) Tilscher, F. System der technisch-malerischen Perspective.

Prag 1867; 36) Его же: Die Lehre der geometrischen Beleuchtungs-Constructionen. Wien 1862; 37) Duhamel, J. M. C. Des méthodes dans les sciences de raisonnement. 3me partie. Paris 1868; и 38) Francke, A. M. Neue Theorie über die Entstehung der krystallinischen Erdrindeschichten oder Urfelsarten. Dresden 1868. — Положено книги сдать въ библіотеку и за доставленіе ихъ благодарить.

Представлены Собранію книги и другія изданія, присланныя въ Академію на основаніи существующихъ ценсурныхъ постановленій, при отношеніяхъ: 1) С. Петербургскаго Комитета Духовной Ценсуры (отъ 6 іюня 1868 г. за № 509); 2) Московскаго Комитета Духовной Ценсуры (отъ 8 іюля за № 360); 3) Кіевскаго Комитета Духовной Ценсуры (отъ 2 іюня и 17 іюля за № 76 и 88); 4) Казанскаго Комитета Духовной Ценсуры (отъ 10 іюня и 12 іюля за № 68 и 80); 5) С. Петербургскаго Ценсурнаго Комитета (отъ 8, 19, 28 іюня, 9, 19 и 26 іюля за № 416, 459, 486, 520, 541 и 557); 6) Московскаго Ценсурнаго Комитета (отъ 17 іюня за № 212); 7) Варшавскаго Ценсурнаго Комитета (отъ 29 мая и 19 іюня за № 544 и 625); 8) Генераль-губернатора Великаго Княжества Финляндскаго (отъ 29 мая за № 1229); 9) Отдѣльнаго Ценсора въ Дерптѣ (отъ 10 іюня и 3 іюля за № 162 и 197); 10) Отдѣльнаго Ценсора въ Ригѣ (отъ 5 іюня и 2 іюля за № 51 и 63); 11) Отдѣльнаго Ценсора въ Вильнѣ (отъ 1 іюля за № 102); 12) Отдѣльнаго Ценсора въ Одессѣ (отъ 20 іюня и 9 іюля за № 217 и 244); 13) Отдѣльнаго Ценсора въ Кіевѣ (отъ 28 мая за № 197); 14) Отдѣльнаго Ценсора въ Митавѣ (отъ 27 мая и 10 іюня за № 43, 48 и 51); 15) Разсматривающаго еврейскія книги въ Житомирѣ (отъ 25 іюня за № 9). — Положено книги сдать въ библіотеку, и о полученіи ихъ увѣдомить.

засѣданіе 6 сентября 1868.

Доложено, что со времени послѣдняго засѣданія Общаго Собранія отпечатана и выпущена въ свѣтъ книжка 2 тома XIII Записокъ Академіи, съ приложеніями: 1) А. Савича и П. Смыслова, *Наблюденія надъ качаніями маятника, произведенныя въ Пужковѣ, Дерптѣ, Якобштадтѣ и Вильнѣ*, и 2) Р. Ленца, *Исслѣдованія въ Персіи и Хератскомъ владѣніи*.

Сенатскій регистраторъ К. Попѣнченко, при письмѣ изъ Батуринскаго уѣзда отъ 23 іюля сего года, препровождаетъ шесть своихъ статей и замѣтокъ: 1) *О христіанкахъ, находящихя въ услу-*

женіи у евреевъ; 2) *Должно ли печь пасху съ присмѣью постороннихъ вещей?* 3) *Молитва къ Вседержителю Богу*; 4) *О настоятель Батуринскаго Николаевскаго монастыря, Архимандритъ Августинъ*; 5) *Смотрите на природу*, 6) *Мысли и Замышленія*, и просить о напечатаніи ихъ въ изданіяхъ Академіи. — Положено эти статьи возвратитъ автору съ увѣдомленіемъ, что онѣ не относятся къ та-кимъ, которыя печатаются въ изданіяхъ Академіи.

Непремѣнный Секретарь донесъ, что сего 6 сентября назначено засѣданіе комиссіи для присужденія наградъ графа Уварова, при чемъ обратилъ вниманіе Собранія на то, что на основаніи §§ 11 и 12 Положенія о сихъ наградахъ, историческая и драматическая Уваровскія комиссіи должны состоять каждая изъ 7 членовъ, не считая въ томъ числѣ предѣдательствующаго; между тѣмъ изъ членовъ комиссіи и изъ кандидатовъ для ихъ замѣщенія, избранныхъ Собраніемъ 12 января 1868 г. въ настоящее время находятся на лицо: въ исторической комиссіи лишь 6 членовъ, а въ драматической 5 членовъ. Посему, имѣя въ виду, что присужденіе наградъ должно состояться въ назначенномъ сего числа засѣданіи комиссіи или же въ самомъ непродолжительномъ времени, такъ какъ 25 сентября должно уже происходить публичное засѣданіе Академіи для прочтенія отчета о присужденіи, Непремѣнный Секретарь полагалъ бы, что отсрочивать присужденіе наградъ до возвращенія отсутствующихъ членовъ комиссіи было бы неудобно, и вслѣдствіе сего представилъ Собранію, не найдетъ ли оно нужнымъ произвести дополнительный выборъ членовъ Уваровскихъ комиссіи. — Признавъ необходимымъ дополнить составъ той и другой изъ упомянутыхъ комиссіи до 7 членовъ въ каждой, Собраніе поручило Д. М. Перевозчикову заступить мѣсто отсутствующаго члена въ исторической комиссіи, а Н. Г. Устрялову и А. А. Кунику — двухъ отсутствующихъ членовъ въ комиссіи драматической.

Консулъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ въ Москвѣ, Е. Скайлеръ, при письмѣ отъ 6 августа сего года, препровождаетъ письмо Президента Йольскаго университета отъ 25 іюля н. ст. сего года, съ изъявленіемъ Академіи благодарности за доставленіе ею для библіотеки сего университета Мемуаровъ и Булетеня.

Слѣдующія учрежденія благодарятъ за доставленные имъ изданія Академіи: 1) Королевское Общество въ Лондонѣ (отношеніемъ отъ 20 апрѣля н. ст. 1868 г.); 2) Академія Станислава въ

Нанси (отъ 8 августа 1868 г.); 3) Академія Новыхъ Линнеевъ въ Римѣ (отъ 7 января и 10 февраля 1868 г.); 4) Физическое Общество въ Франкфуртѣ на Майнѣ (отъ 1 августа 1868 г.); 5) Голландское Общество Наукъ въ Гарлемѣ (отъ 20 августа 1868 г.); 6) Хирургическій Институтъ въ Лондонѣ (отъ 10 августа 1868 г.); 7) Бреславскій Университетъ (отъ 25 августа 1868 г.); 8) Общество Наукъ и Словесности въ Готенбургѣ (отъ 7 июля 1868 г.) и 9) Королевская Академія Наукъ въ Мюнхенѣ (отъ 20 августа 1868 г.).

Представлены Собрانیю книги, присланныя Академіи въ даръ при отношеніяхъ: 1) Департамента Таможенныхъ Сборовъ (отъ 31 августа 1868 г. за № 9257); 2) Бюро геологическаго изслѣдованія Швеціи (отъ 15 іюня п. ст. 1868 г. за № 91); 3) Морской Обсерваторіи въ Вашингтонѣ (отъ 30 мая 1868 г.) и 4) Обсерваторіи въ Соутгэмптонѣ (отъ 12 апрѣля 1868 г.). — Безъ отношеній доставлены: 1) Записки Русскаго Техническаго Общества. Годъ 2. Выпуски 6 и 7. 1868 г.; 2) Горный Журналъ № 8; 3) Университетскія Извѣстія № 7. Кіевъ 1868 г.; 4) Древности. Археологическій Вѣстникъ. Ноябрь и Декабрь. Москва 1868 г.; 5) Журналъ Министерства Юстиціи № 8. Августъ 1868 г. Спб. 1868 г.; 6) Поповъ, Нилъ. Мадьярскій историкъ Владиславъ Салай и Исторія Венгріи отъ Арпада до Прагматической санкціи. Спб. 1868 г.; 7) Proceedings of the Royal Society. Vol. XVI, № 103. London 1868; 8) The Journal of the Chemical Society. New series. Vol. VI. August 1868; 9) Morse, S. Modern Telegraphy; 10) Bulletin de la Société Vaudoise des sciences naturelles. Vol. IX, № 54—59. Lausanne 1866—1868; 11) Vierteljahrsschrift der Astronomischen Gesellschaft. III. Jahrg. 2tes Heft. Leipzig 1868; 12) Bibliotheca Mexicana. Paris 1868; 13) Notice sur la Roumanie. Paris 1868; 14) Proceedings of the Meteorological Society. 1868, April 15, Juni 17. London; 15) Philosophical Transactions of the Royal Society of London for the year 1867. Vol. 157. Part. II. London 1867; 16) Proceedings of the Royal Society. Vol. VI, № 95—100; 17) Parker, W. A monograph on the structure and development of the Shoulder-girdle and Sternum in the Vertebrata. London 1868; 18) Circular of the American-Association for the Advancement of science. Chicago 1868; 19) Meissner, C. F. Ueber die geographischen Verhältnisse der Lorturgewächse. München 1866; 20) Ero же. Notice sur les Polygones, les Thymélées et les Laurinées. Paris; 21) Le colonie commerciali degli Italiani in Oriente nel medio aevo. Vol. 1. 2. Venezia e Torino 1866—1868; 22) Deri-

vative Hypothesis of life and species, by Prof. Owen. 1868; 23) Sitzungsberichte der k. Bayerischen Akademie der Wissenschaften zu München. 1867. II, Heft IV. 1868. I, Heft I, II, III; 24) Archiv der Mathematik und Physik. 48ster Theil, 2tes Heft. Greifswald 1868; 25) Proceedings of the Scientific Meetings of the Zoological Society of London. 1867. Part. III. May—December; 26) Transactions of the Zoological Society of London. Vol. IV, Part. 5. London 1868; 27) L'Investigateur. XXXVe année. T. VIII, IVe série. Livr. 402, 403; Paris 1868; 28) List of vertebrated animals living in the Gardens of the Zoological Society of London. London 1868; 29) Report of the Council and Auditors of the Zoological Society of London 1868. London 1868; 30) Volpicelli, P. Analisi e rettificazioni di alcuni concetti e di alcune sperienze che appartengono alla elettrostatica. Memoria prima. Roma 1866; 31) Monatsbericht der k. Preuss. Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Mai 1868; 32) Quetelet, Ad. Sur les phénomènes périodiques en général. Bruxelles 1868; 33) Archivio Giuridico. Vol. I. Fasc. 6. Bologna 1868; 34) Mittheilungen der Geographischen Gesellschaft in Wien. Neue Folge. 1868; и 35) Zantedeschi. Della necessità di nuovi studj meteorologici. — Положено книги сдать въ бібліотеку, а за доставленіе ихъ благодарить.

Представлены Собрانیю книги и другія изданія, доставленные въ Академію на основаніи существующихъ ценсурныхъ постановленій, при отношеніяхъ: 1) Кіевскаго Комитета Духовной Ценсуры (отъ 14 августа 1868 г. за № 96); 2) Казанскаго Комитета Духовной Ценсуры (отъ 16 августа за № 90); 3) С. Петербургскаго Ценсурнаго Комитета (отъ 29 іюля, 7, 16 и 21 августа за № 573, 596, 615 и 624); 4) Московскаго Ценсурнаго Комитета (отъ 17 іюля и 10 августа за № 263 и 295); 5) Варшавскаго Ценсурнаго Комитета (отъ 18 іюля за № 725); 6) Кавказскаго Ценсурнаго Комитета (отъ 13 іюня за № 184); 7) Отдѣльнаго Ценсора въ Вильнѣ (отъ 30 іюля за № 115); 8) Отдѣльнаго Ценсора въ Ригѣ (отъ 5 августа за № 73); 9) Отдѣльнаго Ценсора въ Дерптѣ (отъ 7 августа за № 239); 10) Отдѣльнаго Ценсора въ Митавѣ (отъ 29 іюля за № 55); 11) Отдѣльнаго Ценсора въ Кіевѣ (отъ 8 іюля за № 269); и 12) Отдѣльнаго Ценсора въ Одессѣ (отъ 21 августа за № 267). — Положено книги сдать въ бібліотеку, а о полученіи ихъ увѣдомить.

ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

ЗАСѢДАНІЕ 11 ІЮНЯ 1868.

Академики Ю. О. Фрицше и Ф. И. Рупрехтъ представили разсужденіе д-ра Эдуарда Страсбургера объ оплодотвореніи у папоротниковъ (*Die Befruchtung bei den Farrnkraütern*), и предложили помѣстить это разсужденіе въ Мемуарахъ Академіи.

Непремѣнный Секретарь представилъ отъ имени Академика Пекарскаго статью его, подъ заглавіемъ: *Архиварныя розысканія объ изображеніяхъ несущаго нѣтъ животнаго Rhytina borealis*, и отзывъ Академика О. О. Брандта, который, разсмотрѣвъ статью, сдѣлалъ нѣкоторыя указанія, которыми могъ бы воспользоваться авторъ, и выразилъ вообще мнѣніе, что статья могла бы быть напечатана. Согласно съ этимъ отзывомъ и съ желаніемъ автора, положено напечатать статью г. Пекарскаго въ Запискахъ Академіи.

Г. А. Чепурновъ представилъ составленную имъ записку, подъ заглавіемъ: *Графическія исчисленія*. — Положено передать на разсмотрѣніе Акад. Сомову.

Непремѣнный Секретарь довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что на основаніи правилъ о преміи Рклицкаго, срокъ для доставленія въ Академію сочиненій для втораго соисканія этой преміи былъ назначенъ 1 іюня сего года. Къ сему сроку присланы въ Академію сочиненія четырехъ конкурентовъ. — Для разсмотрѣнія ихъ и для составленія доклада о присужденіи преміи Рклицкаго въ 1868 году, Отдѣленіе назначило комиссію изъ гг. Академиковъ О. О. Брандта, Ф. В. Овсянникова, Л. И. Шренка и А. А. Штрауха, съ тѣмъ, чтобы эта комиссія представила Отдѣленію свой докладъ по сему предмету не позже 10 декабря сего года.

Доложено, что на третье соисканіе Ломоносовской преміи доставлено самими авторами, къ назначенному для того сроку, къ 1 сего іюня, два сочиненія. Разсмотрѣніе ихъ Отдѣленіе поручило Комиссіи изъ гг. Акад. Б. С. Якоби, П. Л. Чебышева и Н. Н. Зинина.

Предсѣдатель Императорской Археологической Комиссіи, графъ С. Г. Строгановъ, при отношеніи отъ 31 мая сего года препроводилъ доставленный въ Комиссію проживающимъ въ Кронштадтѣ купцомъ 2 гильдіи А. Юрьевымъ мамонтовый зубъ, найденный на берегу рѣки Югъ, въ Пошехонскомъ уѣздѣ Ярослав-

ской губерніи, крестьяниномъ Асигкритомъ Аванасьевымъ Скворцовымъ, который за эту находку желаетъ получить вознагражденіе. — Положено передать на разсмотрѣніе Акад. Шренку.

Непремѣнный Секретарь довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что г. Управляющій Придворною Конторою Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича сообщилъ ему, что Его Высочество изволилъ приказать передать въ Музей Академіи изъ Аничкова Дворца чучело бѣлой лисицы, вслѣдствіе чего было поручено Хранителю Зоологическаго Музея Вознесенскому, принять означенное чучело, для помѣщенія въ семь музеевъ. Нынѣ г. Вознесенскій донесъ, что это порученіе исполнено имъ 7 сего іюня, и что принятое чучело оказалось превосходнымъ и отлично поставленнымъ экземпляромъ бѣлой разновидности лисицы. — Положено увѣдомить г. Управляющаго Придворною Конторою Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича о полученіи сказаннаго чучела въ Академіи, прочемъ г. Президентъ принялъ на себя засвидѣтельствовать предъ Его Высочествомъ глубочайшую признательность Академіи за обогащеніе ея Музея столь любопытнымъ предметомъ.

ЗАСѢДАНІЯ 25 ІЮНЯ 1868.

Акад. Зининъ представилъ и прочелъ записку *о росноладанномъ бензоило-водородѣ* (*Sur le benzoate d'hydrure de benzoyle*). — Она будетъ напечатана въ Бюллетенѣ.

Вице-Президентъ В. Я. Буныковский представилъ и предложилъ напечатать въ Бюллетенѣ записку члена-корреспондента Академіи Ф. Миндинга, подъ заглавіемъ: *Ueber eine bei Beobachtung der Sternschnuppen vorkommende Aufgabe der Wahrscheinlichkeitsrechnung*.

Акад. Струве представилъ, съ одобреніемъ для напечатанія въ Мемуарахъ, вторую часть сочиненія д-ра Гильдена *о составѣ атмосферы и лучепреломленіи въ оной* (*Untersuchungen über die Constitution der Atmosphäre und die Strahlbrechungen in derselben. 2te Abtheilung*).

Непремѣнный Секретарь представилъ письмо, полученное имъ отъ члена-корреспондента Академіи Виннеке, изъ Карлсруэ, отъ 25 іюня н. ст. сего года, въ коемъ онъ сообщаетъ сдѣланныя имъ наблюденія и опредѣленіе элементовъ новой кометы, открытой имъ 13 іюня н. ст. по близости звѣзды α Персея. Кромѣ того Непре-

мѣнный Секретарь представилъ записку г. Виннике о произведенныхъ имъ съ 1858 по 1864 годъ наблюденьяхъ сѣвернаго сіянія (*Aufzeichnungen über Nordlichte in den Jahren 1858 — 1864*). — Положено эту записку напечатать въ Бюллетенѣ.

Акад. Зининъ представилъ записку адъюнктъ-профессора Императорской Медико-Хирургической Академіи Заварыкина, въ коей вкратцѣ сообщаетъ свои изслѣдованія о первыхъ путяхъ, по коимъ движутся питательные соки (*Ueber die ersten Chyluswege. Eine vorläufige Mittheilung.*). — Эта записка появится въ Бюллетенѣ.

Должено, что со времени послѣдняго засѣданія Отдѣленія отпечатаны и выпущены въ свѣтъ *Mélanges mathématiques et astronomiques. Tome IV, livr. 2.*

засѣданіе 20 августа 1868.

Акад. Ф. И. Рупрехтъ представилъ и предложилъ напечатать въ Мемуарахъ Академіи вторую часть сочиненія члена-корреспондента А. А. Бунге о родѣ Астрагаловыхъ (*Generis Astragali Species Gerontogacae. Pars altera. Specierum enumeratio*).

Акад. Рупрехтъ представилъ, съ одобреніемъ для помѣщенія въ Бюллетенѣ, записку доцента Кіевскаго университета г. Борщова о грибахъ Черниговской губерніи (*Ein Beitrag zur Pilzflora der Provinz Cernigow*).

Непремѣнный Секретарь довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что со времени послѣдняго засѣданія онаго, отпечатаны и выпущены въ свѣтъ слѣдующія, изданныя по распоряженію Академіи, сочиненія: 1) Р. Ленцъ, *Изслѣдованія въ Восточной Персіи и въ Хератскомъ владѣніи* (прилож. къ XIII т. Записокъ); 2) Рыкачевъ, *Магнитныя наблюденія въ Выборгъ и С. Петербургъ* (прилож. къ XIV т. Записокъ); 3) Schmidt, *Reisen im Amur-Lande* (Mémoires, томъ XII, № 2); 4) Strasburger, *Die Befruchtung bei den Farrnkrautern* (Mémoires, томъ XII, № 3); 5) *Mélanges biologiques*, томъ VI, выпускъ 5.

Акад. О. И. Сомовъ, рассмотрѣвъ, по порученію Отдѣленія, записку г. Чепурнова, подъ заглавіемъ *Графическія исчисленія* (см. засѣданія 11 іюня сего года), донесъ, что эта записка не представляетъ ничего новаго, заслуживающаго одобренія Академіи.

Генр. В. Струве, при письмѣ отъ 3 августа, изъ Тифлиса, представилъ на судъ Академіи записку, подъ заглавіемъ: *Notis*

über die quantitative Bestimmung des Jods in verschiedenen Flüssigkeiten, speciell im Harn. Согласно предположенію гг. Ю. О. Фришше и Н. Н. Зинина, эта записка будетъ напечатана въ Бюллетенѣ.

Капитанъ 21 артиллерійской бригады Петръ Горбатовъ представилъ Академіи, при рапортѣ отъ 23 іюля сего года, изъ г. Петровска, Дагестанской области, рукописное свое сочиненіе *О свѣтовыхъ явленіяхъ въ природѣ*, въ которомъ, по его объясненію, онъ старался доказать существованіе солнечныхъ токовъ и токовъ другихъ міровыхъ тѣлъ. Академикъ А. И. Савичъ принялъ на себя рассмотреть это сочиненіе.

Артиллерій полковникъ А. Мечъ, въ запискѣ изъ Шостки, Черниговской губерніи, отъ 20 минувшаго іюля, сообщаетъ Академіи свои мысли о такой круговой линіи, для которой онъ допускаетъ существованіе радіусовъ различной величины. — Записка г. Меча будетъ оставлена безъ вниманія.

Акад. Струве представилъ, для бібліотеки Академіи, экземпляръ переведеннаго на нѣмецкій языкъ отчета Директора Николаевской Главной Астрономической Обсерваторіи, читанный предъ Комитетомъ Обсерваторіи 24 мая 1868 г.

Ректоръ Варшавской Главной Школы препровождаетъ, при отнесеніи отъ 2 (14) іюля, за № 1766, кусокъ аеролита, упавшаго 18 (30) января сего года въ окрестностяхъ города Пултуска, а также экземпляръ записки, напечатанной объ этомъ аеролитѣ Главною Школою (*Notice sur la météorite tombée le 30 janvier 1868 aux environs de la ville de Pultusk*). — Положено передать аеролитъ и записку въ Минералогическій Музей, а Ректора Главной Школы благодарить именовъ Академіи.

С. Петербургская Главная складочная Таможня, отношеніемъ отъ 25 іюня, сообщила, что однимъ изъ торгующихъ купцовъ представлена въ Таможню звѣриная шкура для опредѣленія статьи тарифа, по которой должно уплатить пошлину. По неизвѣстности къ какой породѣ звѣря шкура принадлежитъ, Таможня вызвала черезъ Купеческую Управу экспертовъ для освидѣтельствованія шкуры, но изъ экспертовъ одинъ отозвался, что шкура есть кроликовая крашеная мелочная, а другой призналъ ее выхоловою. Вслѣдствіе сего Таможня препроводила означенную шкуру въ Академію, прося опредѣлить съ какого она звѣря. — Присланная Таможнею шкура была передана хранителю Зоологическаго музея, Воснесенскому, который, по сличеніи ея съ предметами

имѣющимися въ Музеѣ, донесъ, что она принадлежитъ къ хребтовому мѣху, подкрашенная и подобранная изъ кроличьихъ шкуркъ. — Положено отвѣчать въ этомъ смыслѣ С. Петербургской Таможнѣ.

Почетный Членъ Гершель, письмомъ изъ Лондона, отъ 20 августа н. ст., благодаритъ за доставленные ему изданія Академіи.

Библиотечаръ Гарвардскаго университета въ Кембриджѣ (въ Массачусетѣ), при письмѣ отъ 7 іюля, сообщаетъ списокъ періодическихъ изданій Академіи, имѣющихся въ библиотекѣ университета, и проситъ, буде возможно, о пополненіи ихъ. — Положено доставить означенному университету тѣ выпуски Мемуаровъ и Бюллетена, которыхъ недостаетъ въ его библиотекѣ.

засѣданіе 3 сентября 1868.

По открытіи засѣданія заявлено, что 28 августа н. ст. сего года, скончался близъ Марсели членъ-корреспондентъ Академіи по разряду медицины А. Клотъ-Бей, на 75 году своей жизни.

Акад. Рупрехтъ представилъ сочиненіе г. Шперка, подъ заглавіемъ: *Ученіе о тлиосперміи* и предложилъ напечатать его въ Запискахъ Академіи, и въ переводѣ на нѣмецкій языкъ — въ Мемуарахъ.

А. Кошкарровъ представилъ записку *о степенныхъ треугольникахъ*. — Положено передать на разсмотрѣніе Академику Перовоцикову.

Г. В. Струве доставилъ экземпляръ изданной имъ брошюры, подъ заглавіемъ: *Матеріалы для изученія минеральныхъ водъ Кавказа. Отдѣлъ 2. Ессентукскія минеральныя воды*. Тифлисъ, 1868.

Акад. Шренкъ представилъ, отъ имени г. Бурмейстера, слѣдующія изданія имъ сочиненія: 1) *Ueber das Klima der Argentinischen Republik*. Halle 1861; 2) *Beschreibung eines behaarten Gürtelthieres, Praopus hirsutus, aus dem National-Museum zu Lima*. Halle 1861; 3) *Ein neuer Chlamyphorus*. Halle 1863; 4) *Beschreibung der Macrauchenia patachonica Owen (Opisthorhinus Falconeri Brav.)*. Halle 1864; 5) *Ueber das Klima von Buenos-Aires*. Halle 1863. 6) *Anales des museo público de Buenos-Aires. Entregas I, II, III y IV*. Buenos-Aires 1864 — 1867.

засѣданіе 17 сентября 1868.

Акад. Струве представилъ и прочелъ записку, въ которой изложилъ *наблюденія большой кометы 1861 года* (Beobachtungen, des grossen Cometen von 1861), при чемъ замѣтилъ, что изданіе этихъ наблюдений замедлилось въ особенности по причинѣ затрудненій при опредѣленіи мѣстъ маленькихъ звѣздъ, къ которымъ были отнесены положенія кометы. Г. Струве считаетъ по двумъ причинамъ полезнымъ въ настоящемъ случаѣ обнаруживать наблюденія во всей подробности. Наблюденія означенной кометы, начаты почти во всѣхъ Европейскихъ обсерваторіяхъ одновременно — 30-го іюня и 1-го іюля 1861 года; но за исключеніемъ Пулкова, они вездѣ продолжались лишь до послѣднихъ мѣсяцевъ того же года; въ Пулковѣ же, при оптической силѣ большаго рефрактора, комета была наблюдаема до 30-го апрѣля слѣдующаго — 1862-го года, такъ что къ шестимѣсячнымъ наблюденьямъ, доставленнымъ съ разныхъ сторонъ, прибавляется исключительно здѣшнихъ наблюдений за 4 мѣсяца. Поэтому точность элементовъ орбиты кометы въ весьма значительной степени будетъ зависѣть отъ однихъ Пулковскихъ наблюдений, — обстоятельство тѣмъ болѣе важное, что комета обнаружила несомнѣнно эллиптическую орбиту, съ періодомъ около 400 лѣтъ. Кромѣ того подробное изложеніе наблюдений въ этомъ случаѣ имѣетъ особенную важность еще потому, что около времени первыхъ наблюдений комета находилась необыкновенно близко отъ земли, такъ что строгая обработка этихъ наблюдений позволитъ вѣроятно вывести изъ нихъ новую, весьма точную величину для параллакса самого солнца. Г. Струве приложилъ къ своему сочиненію нѣсколько рисунковъ, представляющихъ замѣчательныя перемѣны въ видѣ головы кометы. — Это сочиненіе будетъ напечатано въ Мемуарахъ.

Акад. Овсянниковъ читалъ записку о своихъ изслѣдованіяхъ относительно *развитія и строенія сѣменныхъ живчиковъ у рыбъ* (Ueber die Entwicklung und den Bau der Saamen-Körperchen der Fische). — Эта записка будетъ напечатана въ Бюллетенѣ.

Акад. Кошкарровъ представилъ, отъ имени г. Деклуазо, экземпляръ изданнаго имъ сочиненія: *Nouvelles recherches sur les propriétés optiques des cristaux naturels ou artificiels et sur les variations que ces propriétés éprouvent sous l'influence de la chaleur*.

ОТДѢЛЕНІЕ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Августъ и сентябрь 1868 г.

Читано письмо члена Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, г. Абрамова, изъ Семипалатинска, о находящейся въ тобольской архіерейской библиотекѣ рукописи: «Алфавитъ неудобъ-разумѣваемыхъ рѣчей, иже обрѣтаются во святыхъ книгахъ славянскаго языка». Положено благодарить г. Абрамова и принять мѣры къ исходатайствованію присылки рукописи на время въ Отдѣленіе, для сравненія съ другими подобными.

Академикъ Срезневскій представилъ послѣднюю часть своего описанія древнихъ юсовыхъ памятниковъ, заключающую въ себѣ общія замѣчанія о нихъ въ отношеніи къ правописанію и грамматическому строю языка, и ихъ сравненіе съ древними памятниками русскаго письма. Выводы, къ которымъ можно придти, разсматривая древніе юсовые памятники, суть:

1) И по правописанію въ отношеніи къ употребленію буквъ и къ выговору, по употребленію нѣкоторыхъ формъ словъ и ихъ измѣненій, письмо и языкъ разсмотрѣнныхъ юсовыхъ памятниковъ отличаются отъ того древняго языка, который считается чистымъ, и котораго главныя черты и въ этихъ памятникахъ повторяются такъ же, какъ и въ древнихъ памятникахъ русскаго письма.

2) Въ этихъ памятникахъ отклоненія отъ чистаго славянскаго языка не такъ однообразны, что все могутъ быть считаемы особенностями одного и того же нарѣчія, напротивъ того они должны быть разсматриваемы какъ указанія на нѣсколько различныхъ нарѣчій.

3) Древнѣйшіе памятники русскаго письма по языку распадаютъ на два отдѣла: въ однихъ чистота славянскаго языка нарушена только особенностями русскаго языка; въ другихъ, кромѣ этого, встрѣчаются тѣ же отклоненія отъ чистаго славянскаго языка, какъ и въ доселѣ открытыхъ памятникахъ юсоваго письма. Это указываетъ на два источника изводовъ, по которымъ дѣлались русскіе списки книгъ, и можетъ быть еще на такихъ не русскіхъ писцовъ, которые, при всемъ знаніи русскаго языка, не могли вполне отстать отъ особенностей своего роднаго и потому мѣшали ихъ и на письмѣ.

Тотъ же академикъ заявилъ Отдѣленію о полученіи имъ пись-

ма отъ архимандрита посольской церкви въ Константинополѣ, отца Леонида, съ приложеніемъ: 1) списка съ грамматики старца Пансіа Величковскаго, съ замѣтками о его трудахъ; 2) фотографическихъ оттисковъ хиландарскаго типика преподобнаго Саввы, и 3) фотографическаго снимка съ найденной отъ Леонидомъ въ Зографѣ греческой рукописи 980 года и копію съ нея съ славянскою надписью относящеюся, по его мнѣнію, также къ X вѣку.

Академикъ Пекарскій читалъ отрывки изъ новаго рукописнаго труда своего «Дополненія и поправки къ исторіи масонства въ Россіи XVIII столѣтія», объяснивъ, что заключающіяся здѣсь свѣдѣнія собраны имъ по поводу порученнаго ему уваровскою комиссіей разбора сочиненія г. Лонгинова о Новиковѣ. Этотъ трудъ П. П. Пекарскаго будетъ напечатанъ въ «Сборникѣ» Отдѣленія.

И. И. Срезневскій доложилъ о письмѣ, полученномъ имъ отъ В. И. Ламанскаго изъ Венеціи, гдѣ онъ усердно занятъ разработкою матеріаловъ для исторіи сербовъ—въ архивѣ, въ Марціанѣ и въ музеѣ Корнеръ. Г. Ламанскому удалось открыть много новаго и важнаго объ ускокахъ. Бывши передъ тѣмъ въ Люблинѣ, онъ обратилъ свое вниманіе въ библиотекѣ, между прочимъ, на одну кирилловскую рукопись чисто болгарскаго нарѣчія, XVI или начала XVII вѣка, въ своемъ родѣ очень замѣчательную по особенностямъ языка.

Академикъ Бычковъ читалъ письмо Ермолаева къ преосвященному Евгенію объ опредѣленіи цѣнности гривны и куны. Отдѣленіе, находя этотъ документъ вполне заслуживающимъ вниманія, изъявило желаніе, чтобы онъ былъ напечатанъ въ приложеніяхъ къ сборнику академическихъ чтеній о митрополитѣ Евгеніѣ.

Академикъ Срезневскій заявилъ, что къ числу самыхъ любопытныхъ явленій русской литературы, въ послѣднее время, въ отношеніи къ распространенію свѣдѣній о славянствѣ, должно быть, безспорно, причислено вышедшее въ свѣтъ «Собраніе сочиненій А. О. Гильфердинга» (2 тома въ б. 8 д., 442 и 500 стр.). Въ первомъ томѣ помѣщены письма объ исторіи сербовъ и болгаръ и два сочиненія, написанныя по случаю празднованія тысячелѣтія: «Воспоминаніе о св. Кириллѣ и Меодіи» и «Очеркъ исторіи Чехій». Особенно важны письма. Во второмъ томѣ дано мѣсто «статьямъ по современнымъ вопросамъ славянскимъ». Вотъ ихъ содержаніе: 1) Славянскіе народы въ Австріи и Турціи; 2) Народное возрожденіе сербовъ-лужичанъ въ Саксоніи; 3) Развитіе народности у западныхъ славянъ; 4) Венгрія и славяне; 5) Историческое право

хорватскаго народа; 6) Государственное право сербскаго народа въ Турціи; 7) О православіи южныхъ славянъ; 8) Взглядъ константинопольскаго грека на болгарскія и критскія дѣла; 9) Духъ сербскаго народа; 10) Гавличекъ; 11) Славянскія народности и польская партія въ Австріи; 12) Взглядъ западныхъ славянъ на Россію; 13) Письмо къ г. Ригеру о русско-польскихъ дѣлахъ; 14) Польскій вопросъ; 15) Литва и Жмудь; 16) Россія и ея инородческія окраины на Западѣ; 16) Древній Новгородъ; 18) Сельская община. Въ большей части этихъ статей виденъ умный наблюдатель, котораго замѣчаніями можетъ пользоваться и этнографъ, и историкъ, и политикъ. Все, помѣщенное въ этихъ книгахъ, было и прежде извѣстно читателямъ, но было разбѣяно въ разныхъ поврежденныхъ изданияхъ, и потому для многихъ стало недоступно. Недостають здѣсь, кромѣ изслѣдованій филологическихъ, еще двухъ важныхъ сочиненій почтеннаго писателя: «Исторіи балтійскихъ славянъ» и «Путевыхъ записокъ по Сербіи, Босніи и Герцеговинѣ». Первое изъ этихъ сочиненій не помѣщено въ «Собраніи», можетъ быть, потому, что сочинитель хочетъ передѣлать и окончить его. Второе, «Путевыя записки», издано Географическимъ Обществомъ особенной книгой: поэтому-то, вѣроятно, сочинитель и не нашелъ нужнымъ издавать его въ своемъ «Собраніи».

Академикъ Гротъ заявилъ, что, согласно съ опредѣленіемъ Отдѣленія, собранныя Н. Я. Данилевскимъ въ Архангельской губерніи, по порученію Академіи, слова, дополняющія областную словаръ, выписаны въ особую тетрадь, и теперь онъ, г. Гротъ, занятъ повѣркою, нѣтъ-ли между ними такихъ, которыя уже внесены въ другіе словари; по окончаніи чего трудъ г. Данилевскаго будетъ напечатанъ въ *Запискахъ* Академіи Наукъ.

Тотъ же академикъ читалъ найденныя имъ въ бумагахъ Державина и еще неизданныя «Примѣчанія Болтина на начертаніе для составленія славено-россійскаго толковаго словаря», которыя печатаются нынѣ въ приложеніяхъ къ перепискѣ Державина. Досихъ-поръ знали только о существованіи этихъ *примѣчаній* по извѣстному письму фонъ-Визица къ Козодавлеву «о планѣ словаря Россійской Академіи»; но самыя примѣчанія не были отысканы; ихъ нѣтъ и въ протоколахъ Академіи. Нѣкоторыя изъ выраженныхъ здѣсь взглядовъ Болтина для своего времени очень замѣчательны. Такъ онъ говоритъ, между прочимъ: «Провинціальныя слова, неизвѣстныя или неупотребляемыя въ столицахъ, напрасно изгонять изъ словаря, понеже нѣкоторыя изъ нихъ послужатъ къ

обогащенію языка, каковы суть: *луда, тундра* и пр. Другія, прямо отъ славенскаго языка начало свое ведущія (каковыхъ въ новгородскомъ и малороссійскомъ нарѣчіяхъ множество есть), могутъ послужить къ объясненію производства другихъ словъ, въ общемъ употребленіи находящихся. А нѣкоторыя могутъ употребляемы быть въ сочиненіяхъ издѣвочнаго рода, а особливо, гдѣ надобно будетъ заставить поселянна говорить; у малороссіянъ есть многія собственныя слова и названія, кои во всякихъ судопроизводствахъ и сдѣлакахъ употребляются. У бѣлорусцевъ также есть собственныя названія и реченія, нигдѣ, кромѣ Бѣлоруссіи, неупотребляемыя, но необходимо нужныя къ свѣдѣнію для всѣхъ вообще, по причинѣ употребленія ихъ во всякихъ письмахъ. Всѣ таковыя реченія, хотя не повсемѣстно употребляемыя, но могущія для всѣхъ вообще быть нѣкогда потребны къ свѣдѣнію, должны въ словарѣ имѣть мѣсто. Подъ именемъ словаря разумѣется такая книга, въ которой не одни отборныя и употребительныя, но всякородныя слова, т. е. добрыя и худыя, низкія и благородныя, употребительныя и неупотребительныя (кромѣ неблагопріистойныхъ токмо), помѣщены быть имѣютъ право».

Академикъ Срезневскій прочелъ слѣдующую записку: «Во второй тетради свѣдѣній и замѣтокъ о неизвѣстныхъ памятникахъ, сообщено было мною извѣстіе о рукописи Чудовскаго монастыря XII—XIII вѣка, въ которой помѣщено *Ипсолита Епискупа о христосѣ и о антихристѣ*. Теперь этотъ памятникъ изданъ К. И. Невоструевымъ подъ названіемъ: «Слово св. Иполита объ антихристѣ» (М. 1868 г.), съ дополненіями по другому списку, съ греческимъ текстомъ и русскимъ новымъ переводомъ, съ обширнымъ введеніемъ, богатыми примѣчаніями и приложеніями. Эта книга достойна особеннаго вниманія филологовъ и какъ изданіе важнаго древняго памятника, и какъ трудъ ученый, изслѣдовательный, полезный не для однихъ славянскихъ филологовъ.

Тотъ же академикъ представилъ Отдѣленію фотографическіе снимки Градецкаго отрывка изъ книги Евангельскихъ чтеній, хранящагося въ пражскомъ музеѣ, которые онъ получилъ отъ хранителя музея г. Вертятка. О сомнѣніяхъ, выраженныхъ г. Вертяткомъ, относительно подлинности этого памятника, И. И. Срезневскій сообщитъ свое мнѣніе позже.

Онъ же внесъ для напечатанія въ *Запискахъ* Академіи Наукъ двѣ статьи свои 1) «Воспоминанія о чешскомъ музеѣ по поводу его пятидесятилѣтія». и 2) «О трудахъ югославянской Академіи». Послед-

няя составляет продолженіе прежде уже напечатанной имъ статьи по этому предмету.

Академикъ Гротъ довелъ до свѣдѣнія сочленовъ, что г. Кеневичъ, собравъ нѣсколько новыхъ матеріаловъ для біографіи Крылова, предлагаетъ ихъ въ распоряженіе Отдѣленія. По прочтеніи сообщеннаго г. Кеневичемъ перваго такого дополненія, содержащаго въ себѣ свѣдѣнія объ отцѣ Крылова, опредѣлено: означенные матеріалы напечатать въ *Сборникъ* Отдѣленія вслѣдъ за статьями, относящимися къ юбилею баснописца, въ видѣ приложеній къ «Библиографическимъ и историческимъ примѣчаніямъ» г. Кеневича къ баснямъ Крылова.

Тотъ же академикъ читалъ разборъ напечатанной въ Берлинѣ нѣмецкой брошюры г. Кайслера о русскомъ удареніи. При этомъ чтеніи было выражено желаніе, чтобы прежнія статьи г. Грота о языкѣ и удареніи, помѣщенные въ *Извѣстіяхъ* Отдѣленія, были перепечатаны въ видѣ особой книжки.

Академикъ Срезневскій представилъ вниманію сочленовъ продолженіе труда отца архимандрита Амфилохія о греческомъ кондакарѣ синодальной бібліотеки сравнительно съ древнимъ славянскимъ переводомъ. Это словарь замѣчательныхъ словъ славянскаго перевода кондакаря съ приведеніемъ соотвѣтственныхъ словъ греческихъ. Положено дать продолженію важнаго труда отца архимандрита Амфилохія мѣсто въ *Запискахъ* Академіи Наукъ.

Академикъ Гротъ, заявивъ, что 1-й томъ общедоступнаго изданія сочиненій Державина (безъ рисунковъ) оканчивается печатаніемъ, просилъ рѣшить, теперь ли же этотъ томъ долженъ быть выпущенъ, или слѣдуетъ дожидаться отпечатанія другихъ томовъ. Положено выпустить 1-й томъ въ продажу теперь же, такъ какъ этимъ цѣль общедоступнаго изданія, по легкости пріобрѣтать каждый томъ отдѣльно, тѣмъ полнѣе будетъ достигнута.

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

— засѣданіе 13 августа 1868.

Акад. А. А. Куникъ представилъ, отъ имени профессора и бібліотекаря Гейда, въ Штутгартѣ, экземпляръ италіянскаго перевода его сочиненія о торговыхъ колоніяхъ италіянцевъ въ Левантѣ, въ средніе вѣка (*Le colonie commerciali degli Italiani in Oriente nel me-*

dio evo. Venezia 1866 — 1868. 2 тома), причѣмъ сообщилъ, что этотъ переводъ уже печатался, когда г. Гейдъ прочиталъ мемуаръ Одесскаго профессора Бруна, вызванный появленіемъ въ свѣтъ оригинальнаго нѣмецкаго изданія его сочиненія. Такъ какъ г. Гейдъ не могъ имъ воспользоваться для всѣхъ отдѣловъ италіянскаго перевода, то онъ рѣшился о нѣкоторыхъ вопросахъ объяснить съ г. Бруномъ въ рядѣ историческихъ писемъ. Первое изъ нихъ г. Куникъ представилъ Отдѣленію и предложилъ напечатать его въ Бюлетенѣ.

Акад. А. А. Куникъ представилъ, отъ имени г. Одобеско, экземпляръ сочиненія: *Notice sur la Roumanie*, изданное Румынскою комиссіею на Всемирной Парижской Выставкѣ; въ этомъ сочиненіи между прочимъ помѣщены статьи: *Notice sur l'histoire du travail en Roumanie*, и *Catalogue de l'exposition d'Archéologie*.

Акад. Куникъ представилъ, отъ имени г. доктора Ринка, инспектора датскихъ колоній въ Гренландіи, находящагося нынѣ на нѣсколько дней въ Петербургѣ, фотографическій альбомъ видовъ Гренландіи и типовъ тамошнихъ эскимосовъ. Кромѣ того г. Ринкъ принесъ въ даръ Академіи 8 печатныхъ сочиненій, изъ которыхъ нѣкоторыя касаются языка и преданій эскимосовъ. — Въмѣстѣ съ тѣмъ г. Куникъ предложилъ изъяснить г. Ринку, именемъ Академіи, благодарность за сдѣланныя имъ обогащенія ея бібліотеки, а для содѣйствія его лингвистическимъ и этнографическимъ изслѣдованіямъ доставить ему, изъ книжныхъ складовъ Академіи, нѣкоторыя изданія.

Г. Ридель, при письмѣ отъ 15 апрѣля, изъ Горонтало, доставилъ нѣсколько фотографическихъ изображеній жителей Сѣвернаго Целебеса. — Положено передать въ Этнографическій Музей.

Читано отношеніе г. Управлявшаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, съ препровожденіемъ на разсмотрѣніе Академіи рукописнаго Остяцко-Самоѣдскаго Словаря священника Попова. — Положено передать его на разсмотрѣніе Академику А. А. Шифнеру.

— засѣданіе 27 августа 1868.

По открытіи засѣданія, заявлено о томъ, что 21 іюля н. ст. скончался въ Кенигсбергѣ Членъ Корреспондентъ Академіи по разряду Историко-Политическихъ наукъ, профессоръ Шубертъ.

Акад. А. А. Куникъ представилъ отъ имени А. С. Норова

первую часть записки, напечатанной въ Оксфордѣ, г. Перри, подъ заглавіемъ: *An ancient syriac document purporting to be record of the second synod of Ephesus, by the rev. S. G. F. Perry, M. A.* — и отъ имени доктора Винкельмана изданное имъ эпическое стихотвореніе XIII столѣтія Юстина (*Des Magisters Justinus Lippiflorium, nebst Erörterungen und Regesten zur Geschichte Bernhard II. von der Lippe, des Abts von Dünmünde und Bischofs der Selonen. Riga 1868*).

Акад. А. К. Наукъ заявилъ, что Отто Келлеръ, занимаясь изданіемъ Горация, желалъ бы сличить текстъ Посланий и *Artis Poeticae* съ рукописью, имѣющеюся въ Императорской Публичной Библіотекѣ (*Codices Latini, in-8°, № 4*). Г. Наукъ готовъ принять на себя трудъ такого сличенія, и потому проситъ Отдѣленіе исходатайствовать выдачу ему, на срокъ отъ трехъ до четырехъ недѣль, означенной рукописи изъ Публичной Библіотеки. — Въ удовлетвореніе этой просьбы будетъ сдѣлано подлежащее сношеніе.

Акад. М. И. Броссе представилъ рукописную Агованскую исторію Моисея Каганкатоваца, доставленную Академіи бывшимъ Намѣстникомъ Кавказскимъ Генераль-Адъютантомъ Княземъ Барятинскимъ, при отношеніи отъ 11 февраля 1858, и заявилъ, что онъ не имѣетъ болѣе надобности въ сей рукописи. — Положено возвратить въ Эчміадзинскую библіотеку.

ЗАСѢДАНІЕ 10 СЕНТЯБРЯ 1868.

Акад. А. А. Куникъ представилъ и предложилъ напечатать въ Бюллетенѣ второе письмо профессора Гейда объ италіянскихъ колоніяхъ на Черномъ морѣ (*Die Italiener am schwarzen Meer. Zweiter Brief an Herrn Bruun in Odessa. — Ueber den Antheil der Venetianer bei der Theilung des griechischen Reichs im Jahre 1204*).

Акад. Ф. И. Видеманъ читалъ отчетъ о путешествіи, совершенномъ имъ въ нынѣшнемъ году для филологическихъ изслѣдованій. Этотъ отчетъ будетъ напечатанъ въ Бюллетенѣ.

Профессоръ Буркгардъ, письмомъ изъ Тешена, отъ 14 сентября, проситъ о сообщеніи ему на нѣкоторое время, для его ученыхъ занятій, списка индѣйской драмы *Сакунтала*, въ латинской транскрипціи. — Положено передать это письмо на соображеніе г. Директору Азіятскаго Музея.

ЗАСѢДАНІЕ 24 СЕНТЯБРЯ 1868.

Акад. Устряловъ представилъ экземпляръ выпущенныхъ имъ въ свѣтъ третьимъ изданіемъ *Сказаній Князя Курбскаго*.

Акад. Куникъ читалъ краткій отчетъ о поѣздкѣ въ Вильно, совершенной имъ въ іюль сего года для историческихъ розысканій. — Положено напечатать въ Запискахъ.

Акад. Куникъ представилъ, отъ имени профессора Ф. Бруна, экземпляръ изданнаго имъ сочиненія: *О родствѣ Гетовъ съ Даками, сихъ послѣднихъ съ Славянами и Румыновъ съ Римлянами. Одесса 1868*.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПРОТОКОЛАМЪ.

МНѢНІЕ СПЕРАНСКАГО О НОВОМЪ ИЗДАНІИ СЛАВЯНО-РОССІЙСКАГО СЛОВАРЯ.

(См. Записки Акад. томъ XIII, стр. 323.)

I. О Правилахъ.

Комитетъ принялъ къ сочиненію словаря нѣкоторыя правила; но принялъ ихъ *на первый случай*, слѣдовательно въ послѣдствіи они могутъ измѣниться. Когда же измѣнятся? Когда словарь будетъ сочиненъ, и слѣдовательно надобно будетъ его передѣлывать.

Мнѣ кажется, главное состоитъ въ правилахъ, не на первый разъ, но на всегда твердо установленныхъ. Безъ сего все сочиненіе непрестанно будетъ колебаться. Безъ сего нельзя членамъ и разсматривать пробныхъ листовъ: ибо важнѣйшая часть сего разсмотрѣнія именно должна состоять въ соображеніи исполненія съ правилами.

Для установленія сихъ правилъ надлежало бы, кажется, прежде всего собрать и рассмотреть правила, кои наблюдаемы были въ другихъ государствахъ; не мы первые сочиняемъ словарь: нужно посмотреть, на какихъ основаніяхъ составляли его въ Академіи Дела Круска, въ Парижской и Джонсонъ въ Англии. То, что тамъ придумано основательно, принять; другое замѣнить своимъ. Первое и важнѣйшее изъ сихъ правилъ есть установить съ точностію

предѣлы словаря по двумъ главнымъ вопросамъ: для кого и для чего онъ сочиняется? Мнѣ кажется, онъ сочиняется для людей, знающихъ языкъ Русскій (всѣ изъясненія и опредѣленія его составляютъ по Русски), и слѣдовательно не для того, чтобъ учить Русскому языку иностранцевъ или дѣтей; но для того 1) чтобъ мнѣніемъ цѣлаго ученаго сословія утвердить истинное значеніе Русскихъ словъ, и разрѣшить сомнѣнія въ разнообразномъ или спорномъ ихъ употребленіи; 2) чтобъ изъяснить нѣкоторые слова Русскія обветшалыя или мало употребительныя; 3) чтобъ изъяснить такъ называемыя слова Славянскія, т. е. церковныя. Посему въ Славяно-Россійскій словарь не должно допускать никакихъ словъ иностранныхъ, исключая только Греческихъ словъ церковныхъ и малаго числа словъ, принятыхъ не обычаемъ, но закономъ, какъ-то: Сенатъ, и тому подобныхъ; для иностранныхъ же словъ приложить къ словарю алфавитную роспись, съ краткимъ изъясненіемъ рѣченій, болѣе или менѣе употребительныхъ, но къ составу языка не принадлежащихъ. Это не есть гоненіе на слова иностранныя: обычай ихъ ввелъ, обычай и выведетъ; но Академія не должна, мнѣ кажется, укоренять ихъ, давая имъ право гражданства и вводя ихъ въ составъ нашего языка. Изъ низхожденія къ обычаю она можетъ удѣлить имъ мѣсто при своемъ языкѣ, но мѣсто отдѣльное, означивъ ихъ въ особой росписи.

Издательный комитетъ въ защиту ихъ приводитъ то, что они обрусѣли, и что безъ нихъ обойтись не возможно. Пусть они и остаются въ употребленіи; но сіе не дастъ имъ права на помѣщеніе въ словарь Славяно-Россійскій — иначе назовите его *словаремъ реченій, какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ, въ Россійскомъ словѣ употребляемыхъ*. И какіе же будутъ словарю сему предѣлы! Кусокъ толстаго бѣлаго сукна на Турецкой границѣ называется Аба; но онъ вѣрно иначе называется въ Оренбургѣ, въ Сибири и проч. Почему Аба будетъ стоять въ словарѣ, а другихъ названій, столько же или можетъ быть и болѣе въ другихъ мѣстахъ употребительныхъ, не будетъ? — Сколько словъ иностранныхъ, при Петрѣ Великомъ и при Императрицѣ Елисаветѣ бывшихъ въ употребленіи, и нынѣ совершенно падшихъ въ забвеніе! Гдѣ нынѣ циркумстанціи, конциліумы, консидераціи, пропозиціи и множество имъ подобныхъ? Не та же ли судьба ожидаетъ и наши: абонпрованія, абонименты, адресованія, адресовать и проч. и проч. Они покружатся нѣсколько времени, какъ кружились на пр. выраженія: *строитъ куры* и тому подобныя, и исчезнутъ. Всѣхъ нелѣпостей и

измѣненій обычая и небрежнаго или затѣйливаго пустословія никакимъ словаремъ обнять не возможно. Нѣкоторые изъ нихъ необходимы и можетъ быть навсегда останутся въ языкѣ, и пусть остаются: отъ того, что они будутъ или не будутъ помѣщены въ словарь, необходимость ихъ ни возрастетъ, ни уменьшится. Но помѣщеніе ихъ, *во первыхъ*, обезобразитъ словарь Славяно-Россійскій; *во вторыхъ*, вмѣсто полнаго словаря представитъ сборникъ словъ весьма неполный; ибо всѣхъ иностранныхъ словъ въ областяхъ нашихъ, Русскими людьми употребляемыхъ, собрать почти не возможно; то, что въ одномъ краю считается словомъ необходимымъ, въ другомъ совсѣмъ не извѣстно, и замѣняется инымъ; *въ третьихъ*, сія смѣсь дастъ словарю видъ временнаго, періодическаго сборника; ибо, какъ выше уже было примѣчено, сколько есть иностранныхъ словъ, кои въ свое время считались необходимыми, а теперь употребленіе ихъ показалось бы страннымъ и не совмѣстнымъ.

ВТОРОЕ ПРАВИЛО:

Во всѣхъ почти основательныхъ словаряхъ означаются корни словъ. Я не разумѣю здѣсь того высшаго изысканія корней, которое составляетъ особую и весьма важную часть филологіи; но разумѣю простое словопроизводство изъ ближайшихъ корней. На прим. *Подразумываю* очевидно слагается изъ предлога *подъ* и *разумываю*, а *разумываю* изъ предлога *разъ* и *умью*; слѣдовательно корень: *умью* или *умъ*. Въ ожиданіи лучшаго и глубокаго изысканія и сіе словопроизводство было бы, кажется, для утвержденія первообразнаго значенія словъ во многихъ случаяхъ весьма полезно.

Еще одно примѣчаніе. Словарь именуется: по азбучному порядку расположеннымъ. Я не знаю, можетъ-ли быть какой-либо словарь, даже и словопроизводный, расположенъ иначе, какъ по азбучному порядку. Если симъ желали выразить: *ordine analogico* или *analytico*, то сіе не есть азбучный порядокъ. Должно постараться приискать другое слово.

II. Пробныя леты.

1) Послѣ двухъ первыхъ А, послѣдующія пять суть простыя звуки, коихъ значеніе опредѣляется: 1) образомъ ихъ произношенія, и 2) послѣдующими выраженіями мыслей. Они могутъ быть безчисленны и находятся во всѣхъ языкахъ; но нигдѣ не даютъ

имъ мѣста въ словаряхъ: ибо какъ описать значеніе звука, зависящее отъ голоса, и разнообразныя его сопряженія съ мыслями? А. союзъ противоположный, часто токмо раздѣлительный; даже первый примѣръ есть только раздѣленіе, а не противоположность: ибо нельзя тутъ поставить *но* тьму, а можно поставить: тьму *же*,—что означаетъ раздѣленіе. *А! а!* то же примѣчаніе, какъ и въ пяти предъидущихъ. Смыслы сего восклицанія безчисленны. Всѣ гласныя буквы имѣютъ сіе свойство, на пр. И! какой вздоръ! О! О! ты уже началъ сердиться.

2) О всѣхъ иностранныхъ словахъ, кои мнѣ буква сія испещрена, выше сдѣлано одно общее примѣчаніе.

3) *Августѣйшій* не есть Высочайшій: ибо *auges* не значитъ: возвышаю, но умножаю, увеличиваю—слѣдовательно: великій, или величайшій.

4) *Авторовъ. Авторскій.* Сомнѣваюсь, что бы сей родъ прилагательныхъ особаго устройства могъ имѣть мѣсто въ словарѣ. Они принадлежатъ къ Грамматикѣ; тамъ должно показать, какимъ образомъ и въ какихъ предѣлахъ нѣкоторыя существительныя въ родительномъ падежѣ приемяютъ видъ прилагательныхъ. Въ старину у насъ писали даже *еговъ*, такъ какъ нынѣ въ грубомъ просторѣчьи употребляютъ: ихныя, ихныхъ. Грамматика должна показать, что тутъ правильно, и что неправильно.

5) *Агнецъ*—не вижу, почему съ латинскаго: *Agnus*. Это просто *ягнецъ*. У насъ есть вся его фамилія и даже глаголъ *ягнотся*, коего нѣтъ въ латинскомъ. Въ концѣ сей статьи о просфорѣ, нужно справиться: на одной ли той просфорѣ, изъ коей вынимается Агнецъ, находятся слова: IC. XC. VICA. Если на всѣхъ, то изъясненіе лишнее и было бы неправильно.

6) *Адажіо*. Слово сіе, какъ и другія иностранныя, принадлежитъ къ словоистолкователю Г-на Яновскаго, или къ росписанію иностранныхъ реченій. Но и тамъ нехудо изъяснить, что собственно значитъ *Adagio*—*на досугъ, не спѣша, à son aise*.

7) *Адъ, ἄδης, ἄδης* собственно значитъ: 1) мѣсто или состояніе умершихъ, мрачное и незримое обиталище погребенныхъ. См. *Lexicon Damm et Duncan*. Въ семь-то смыслѣ, а не въ смыслѣ гроба и могилы, должно понимать слова Иосифа; 2) преисподній міръ, когда приемяется въ смыслѣ страны; 3) мѣсто мученій; 4) крайнее несчастье и проч. Но къ чему тутъ поговорка: *этотъ домъ сухой Адъ?* Мало-ли что говорится! Пятое значеніе есть излишнее по-

тому, что оно есть именно собственное значеніе Ада. Примѣры же тутъ не нужны, ибо и безъ нихъ ясно.

8) Не *азарничать*, а *озорничать* и принадлежитъ къ буквѣ О. Иначе всѣ слова, по Московскому произношенію превращаемыя изъ О въ А, должно бы было помѣщать вдвойнѣ. Въ Москвѣ говорятъ: *атлажилъ, аткинулъ*. Дѣло словаря есть именно истреблять, а не утверждать сіи отступленія.

9) *Академиковъ*—то же примѣчаніе, что и къ слову *Авторовъ*. Оно принадлежитъ вообще ко всѣмъ словамъ сего рода.

10) *Академія*. Къ чему тутъ примѣры? Вообще примѣры должны приводить токмо для утвержденія значеній сомнительныхъ, рѣдкихъ или особенныхъ.

М. Сперанскій.

23 Февраля
1831 г.

ЗАПСКА О ТРЕДІАКОВСКОМЪ *).

(См. Записки Академіи, томъ XIII, стр. 323—324.)

Подкинутое октября дня 1755 года **) пасквильное письмо со-вѣтнику г. Ломоносову содержитъ въ себѣ подъ видомъ критики на нѣкоторыя сочиненія жалобы великія на г. Академіи Президента, злодѣйскія ругательства совѣтнику Теплому, полковнику Сумарокову, профессору Миллеру и на послѣдокъ на всѣхъ чужестранныхъ, въ Академіи служащихъ, злобную клевету. А что оно есть подлинно сочиненіе профессора Тредіаковскаго, то примѣчаніемъ слѣдующимъ доказывается.

*) Эта записка сохранилась въ двухъ экземплярахъ; въ одномъ, черновомъ, много приписокъ и поправокъ рукою Григорья Николаевича Теплова.

**) Стало, быть въ то самое время, когда Тредіаковскій, раздосадованный непомѣщеніемъ его стихотвореній въ «Ежемѣсячныхъ соч.», протестовалъ противъ Миллера и представилъ доношеніе въ Синодъ. См. *Сборникъ статей, читанныхъ въ Отд. Русскаго языка и Словесности Академіи Наукъ*, т. II, № 4, стр. 41, 42.

1.

Хотя онъ старался всячески противною своимъ правиламъ орфографією прикрывать оное, но того акуратно въ 32 листахъ учинить не могъ.

2.

Самолюбіе его обыкновенное не допустило ему укрывать всѣхъ своихъ новыхъ и множественныхъ правилъ грамматическихъ, ибо въ семъ сочиненіи его и то видно, что онъ удалялъ имя свое сколько можно, а чтобъ догадаться, что сія по его мнѣнію остроумная пьеса есть Тредіаковскаго продуктъ, о томъ старался же черезъ прописаніе литеры Т.

3.

Въ правилахъ своихъ грамматическихъ онъ столько особливъ, что по сіе время еще никѣмъ не подражаемъ, а именно: 1) интерпункція его точная; 2) хотя подкрадываясь подъ другихъ писателей въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сначала *желаемъ, по Рускии, наиражденіевъ, предувѣреніевъ, начала, основаніи*, вм. *желаемъ, по Руски, наиражденій, предувѣреній, начала, основаніи*; но того нимало уже не наблюдали, когда далъ заврался. 3) Всѣ родительные падежи прилагательныхъ именъ женскаго рода по его правиламъ кончатся на *ы, ия, ѳя, ся* и таковыя окончанія по привычкѣ и по неволѣ изъ его рта уже истекають, которыхъ онъ и утаить не могъ. Мы пишемъ въ родительномъ падежѣ *системы Картезіевой*, а онъ *системы Картезіевы, великой милости*, а онъ *великія милости, доброй славы*, а онъ *добрыя славы, своей рѣчи*, а онъ *своя рѣчи*; также же вм. *родившійся* пишетъ *родившейся, временахъ* пишетъ *временахъ, римлянамъ* — *римляномъ*. А нарѣчія, кончащіяся на *е* по его грамматикѣ кончатся на *о*, такъ какъ онъ въ извѣстѣ на г. Миллера написалъ вм. *измине* — *измино*, а въ пасквилѣ вм. *всегдаине* — *всегдаино*.

4.

Въ многорѣчии своемъ, которое есть истинное Тредіаковскаго по всей пьесѣ отъ начала до конца, онъ столь особливъ же, что едва ли можно въ родѣ человѣческомъ быть другому Тредіаков-

скому. Школьныя фигуры реторическія онъ употребляетъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ и не ксати и почти безпрерывно, которыми и сію пьесу начинилъ. Епитеты его обыкновенные, репитиціи безпрестанная, амплификація таже, за которую отъ многихъ уже битъ не единожды; плеоназмы всѣ тѣ, которые обыкновенно мы слышимъ въ его рѣчахъ и читаемъ во всѣхъ его сочиненіяхъ. Шутки въ словахъ, которыя у него за *bon mot* приемяются, неизбѣжны во всѣхъ его сочиненіяхъ, а и въ сей его пьесѣ суть такія же, напр.: *вотъ первая блянка въ кузовѣ; не трихъ, тракъ, трекъ* и не *фри, фре, фри*, да *голь не модимъ, унѣль нечестолобивъ, неискателенъ, грековиръ, другъ книгамъ, астраханецъ, система чесноколукуксунная, съ копьяля сбился авторъ* и пр. Сія точно экспрессіи и въ рѣчахъ мы отъ него всегда слышали. Сверхъ же того и инвенція франбадинскаго собранія есть его старая шутка.

5.

Умствование его о системахъ философскихъ школьное всѣмъ академическимъ давно уже извѣстно и никому онаго перенять не возможно, такъ какъ въ его одной головѣ зародившагося. Оное есть столь неподражаемо, что никто подъ его поддѣлаться не можетъ, а сія пьеса преисполнена смѣхъ его враньемъ.

6.

Аргументаціи коварныя и софистическія тѣ же самыя въ сей пьесѣ, которыя и во многихъ другихъ изданныхъ Тредіаковскимъ, а особливо, когда онъ хочетъ навести коварно изъ простой рѣчи зло или церковное, или гражданское, къ чему Тредіаковскій во многихъ предисловіяхъ, челобитныхъ, протестахъ и извѣтахъ склонность свою оказалъ; а нынѣ свидѣлствуютъ его поданныя на совѣтника Теплова въ 1747 г. два доношенія, на г. полковника Сумарокова въ 1750-мъ году критика, въ нынѣшнемъ году на г. П. Сумарокова протестъ въ Академію и доношеніе въ Синодъ; на г. профессора Миллера въ Академію протестъ и прочія многія. Всѣ сіи скверныя пьесы и многія другія суть того же роду, натуры и сложенія, котораго сей послѣдній пасквиль. Слова, рѣчи, мысли и заключенія сущія тѣ же Тредіаковскаго.

7.

Самолюбіе его столь видимо въ сей пьесѣ, что хотя и опасался, дабы не попасть какому пороку за сей пасквиль, однакожь не могъ

себя преодолѣть, чтобъ не предпочесть своихъ стиховъ другимъ. Всѣ тѣ мѣста, въ которыхъ онъ научить хотѣлъ чистому стихосложенію, просвѣщаетъ въ сей пьесѣ своими собственными стихами, думая, что тотъ, на котораго пасквиль изблевалъ, не найдетъ въ его печатныхъ или писанныхъ пьесахъ оригинала. А чтобъ показать желаніе, что онъ удаляется, то переимѣнялъ нѣкоторыя только слова въ нихъ. Что бы за нужда была брать его сложенія стихи въ образецъ, когда по сіе время, кромѣ его самого, еще никто въ образецъ для показанія красоты стихотворческой ихъ не принималъ? По сіе время всѣ русскіе стихотворцы персонально намъ вѣдомы. Ни единого изъ нихъ нѣтъ, у котораго бы такимъ густымъ изо всѣхъ школьныхъ наукъ чадомъ набита была голова, какъ Тредіаковскаго. Онъ одинъ симъ зараженъ, защищаетъ слова школьныя латынскія и взводитъ на Цицерона свою собственную поваренную латынь. Онъ одинъ вымышляетъ и русскія слова, а именно: *pominalis*—*номинальный, въ трои ворота входильникъ, писальникъ, правотѣ, поселянствовать* и пр. Онъ одинъ восклицаетъ: *О Боже мой творче! О праведное солнце! О честный мѣсяцъ!* Все сіе въ пасквилѣ находится къ концу пьесы: ибо когда онъ вошелъ около середины оныя въ энтузіазмъ, то, забывшись, что онъ притворяется быть не Тредіаковскимъ, вошелъ въ себя не чувствительно. А къ тому опасался, дабы тѣ, которыхъ онъ не остерегался, не подумали сочиненіе сей по его мнѣнію остроумной пьесы приписать кому иному.

8.

Сей ради причины во всей подметной пьесѣ себѣ противорѣчатъ: въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что онъ никакого языка не разумѣетъ и писать неумѣетъ по латыни, а въ другомъ хвастаетъ латынью, Цицерономъ, Фонтенелемъ, Боаломъ и всѣми авторами классическими. Сіе противурѣчіе частію по глупости, а частію по хвастунству.

9.

Будучи въ своихъ критикахъ часто лживъ, и въ сей пасквильной пьесѣ равномѣрно приводитъ многіе пассажи изъ книги Т., которыхъ въ книгѣ не находится, въ той надеждѣ, что читатель справливаться о томъ съ книгою не будетъ. И тѣ пассажи вымышленные критикуетъ ругательно подлыми и лаятельными экспрес-

сіями. Такъ написалъ слово *Нотосатечіа*, котораго въ книгѣ не бывало, и тѣхъ книгъ головою не читывалъ и не видывалъ, которыя рефутуетъ, а именно: Гейнекція, Трибинна и многихъ иныхъ, на которыхъ авторъ въ книгѣ ссылается, а ищетъ только въ одномъ дикціонерѣ. Ежели же гдѣ маленькую погрѣшность или типографскую, или авторову найдетъ, которыя погрѣшности обыкновенно въ другомъ изданіи исправляются, тутъ площадное и подлое свое велерѣчіе употребляетъ съ несносными бранями, заслуживая себѣ то, чѣмъ уже онъ многократно отъ обиженныхъ былъ трактованъ. Для показанія же своей школы вретъ про перваго схоластическаго философа Ланфрана, который былъ родомъ италіанецъ, а послѣ архіепискомъ въ Англіи. Хотя онъ и жилъ въ XI вѣкѣ, однакожь ничего, кромѣ богословскихъ, папешскихъ книгъ не писалъ и отъ роду философомъ не бывалъ, и дѣлъ его Тредіаковскій нигдѣ и ни на какомъ языкѣ не читывалъ и не видывалъ. Упоминаетъ также философа Демира или Одемира, котораго имя онъ самъ вымыслилъ. Именитымъ названъ былъ Оккамъ или Окхамъ, за котораго Тредіаковскій бранитъ Т., что онъ его въ числѣ ученыхъ пропустилъ, якобы съ незнанія литературы. Надобно знать, что дуракъ за дурака стоитъ. Оккамъ прозвище имѣлъ въ схоластикахъ непобѣдимаго. И всѣ вышепомянутые прозывалися ангельскими, серафимскими и херубинскими учителями. О чемъ Тредіаковскій говоритъ будто Т. вымыслилъ такія прозванія, потому что онъ и многого не знаетъ, а идетъ за ученаго по болтливому своему языку. Тредіаковскій на ихъ весьма похожъ, а они были въ философіи совершенные дураки, и у нихъ головы набиты были тѣмъ же вздоромъ, которымъ и Тредіаковскій себя прославляетъ. Та разность, что они не столько можетъ быть злые сосуды были, какъ Тредіаковскаго голова. Умножаетъ притомъ сей пасквильщикъ педанство свое многими сложными именами, которыя по привычкѣ къ своей глупой ортографіи соединяетъ палочками, безъ чего и въ сей пьесѣ по его разуму обойтись не могъ, на примѣръ: мистико-химическая, математическая-метафизическая; а индѣ вмѣсто запятыхъ и союзовъ дурною своею ортографіею поставилъ палочки, такъ какъ: Филипъ-Авреоль-Теофрастъ-Парацельсъ-А Бомбастъ. И сего очень мало, потому что остерегался. Кто бы ни былъ другой писатель, такое дурачество ему въ голову не войдетъ. А ежели бы вошло, то бы всю сію пьесу Тредіаковскаго ортографіею написалъ, а не по мѣстамъ, въ которыхъ Тредіаковскій только забывался.

10.

Не оставилъ также вступиться за греческой языкъ, которымъ онъ отъ нѣкоторыхъ только лѣтъ сталъ хвастать, ибо то онъ знаетъ, что профессору elokвенціи надобно умѣть и по гречески, для того за эту греческую, которая пропущена у Т., такъ какъ бѣшеная меделянская собака, съ цѣпи сорвался и лаетъ на сочинителя. А онъ по гречески съ нуждою читать умѣетъ, и никогда не учивался и не знавалъ. Однакожь ни единой критики не пропускаетъ безъ греческаго слова, дабы за большого мудреца себя выдать, что и въ семь пасквилѣ учинилъ. Потому совѣтникъ Тепловъ по волѣ ея императорскаго величества положенныя на него дѣла при его сіятельствѣ президентѣ отправляетъ, то онъ, соравняя Теплова *Хризогону*, а президента Силлѣ, пишетъ въ семь пасквилѣ, якобы *отъ напоминанія имени только одного Хризогона, сильнова человека и плута, бывшего либертомъ при Силлѣ, все собраніе въ смятеніе пришло.*

11

На всякаго сочинителя толкъ безбожія наводитъ изъ маловажныхъ словъ, и то же самое въ семь пасквилѣ находится по многимъ страницамъ. По его мозгу никакого изъ сихъ словъ прилагательныхъ употребить нельзя: *совершенный, безконечный, безпредѣльный, безчисленный, безмѣрный*, хотя бы такія слова къ *злѣбу*, къ *тищѣ*, къ *народу*, ко *вкусу* и пр. приложены были. Тотъ часъ скажетъ, *когда безчисленный, тогда неограничаемый, а когда неограничаемый, то безъ начальный, а когда безначальный, то все совершенный а когда всесовершенный, то самобытный* и прочее. И послѣ такихъ глупостей софистическихъ восклицаетъ какъ бѣшенный: *о безбожное утвержденіе!* Въ таковой силѣ на г. полковника Сумарокова писалъ критику и подалъ въ синодъ доношеніе, а въ Академію извѣтъ. Въ той же силѣ изблевалъ свой ядъ и въ сей скаредной подметной тетрадѣ не однократно. Во многихъ своихъ жалобахъ, протестахъ и циркулярномъ къ русскимъ профессорамъ письмѣ возбуждаетъ единовѣріемъ противу чужестранныхъ профессоровъ, а въ сей пасквильной пьесѣ говоритъ про нихъ слѣдующія слова, *чтожь-де до единства вѣры, то нельзя, чтобъ иновѣрной не мнилъ своей вѣры лучшею, и потому по времянамъ не подсмѣвалъ бы господствующія. А изъ сево происходитъ часто и обращеніе хотъ не*

явное, однако сердечное, то есть дѣйствительное, а изъ сево и пагуба душевная послѣдуетъ. Но мы какъ терпѣть отъ нихъ насмѣшекъ не хотимъ, такъ и опасности къ пагубѣ души своей имѣть не желаемъ. Напоследокъ, гдѣ про себя говоритъ, что въ Академіи якобы презрѣнъ и гонимъ, то между прочими резонами пишетъ и то, что онъ за то ненавидимъ, что *прековѣръ*, а Ролленовъ переводъ для того не печатается, что *въ немъ добродѣтель предпочтена порокамъ.*

12.

Тому уже болѣе года, какъ Тредіаковскіи почалъ жалобы и письменныя, и словесныя разносить, *что онъ изнуренъ трудами, оставя въ Астрахани домъ и не безприбыльный садъ виноградный, странствуетъ для наукъ. Роллена вторично перевелъ и остается безъ награжденія.* Но потому, что служба его всегда состояла въ негодномъ и стыдѣ Академіи приносящемъ трудѣ, т. е. въ гнусномъ стихосложеніи, въ нусторѣчій латыни, недостойной имени профессора, о чемъ и самъ Тредіаковскіи знаетъ, когда лейпцигское собраніе въ газетахъ о томъ вызвалось съ ругательствомъ за его скверную латынь, гдѣ именно напечатано было, что никто такъ мало способенъ быть профессоромъ краснорѣчія, какъ онъ, Тредіаковскіи. А къ тому въ переводѣ Роллена, который имъ еще въ Невскомъ монастырѣ прежде профессорства его окончанъ; въ сочиненіи псалмовъ Давыдовыхъ нескладными и безразумными стихами; въ сложеніи Теоптии, и ко всѣмъ симъ и негоднымъ и неприличнымъ для Академіи трудамъ въ приписаніи нелѣпныхъ предисловіи, то все сіе удерживаемо было кромѣ Ролленова переводу и не допускаемо въ печать для убѣжанія стыда Академіи. Чего ради онъ въ семь пасквилѣ не оставилъ и о семь выжаловаться пространно, такъ что другой никто за него столь обстоятельно и тѣмъ же велерѣчіемъ учинить не можетъ тѣмъ больше, что онъ, Тредіаковскіи, себя выхваливаетъ точно тѣми словами по всей пьесѣ, которыми говаривалъ всѣмъ изустно и писывалъ въ своихъ протестахъ въ канцелярію неоднократно. Да и кто бы столь много любилъ Тредіаковского и его враки, чтобъ въ него совѣмъ переродился; его мысли, языкъ, нравы, всѣ домашнія обстоятельства и обиды мнимыя на себя принялъ защищать? А на последокъ выдалъ себя за пасквиланта, которые государственными законами публично наказываются по силѣ Артикула военнаго главы 18 *).

*) При этой запискѣ на отдѣльномъ листѣ сохранилась выписка артикуловъ 149, 150 и 151: «о поносительныхъ письмахъ, бранныхъ и ругательныхъ словахъ».

13.

Злобствуя на г. полковника Сумарокова и на г. профессора Миллера, ихъ точно въ сей пьесѣ однихъ и бранить такъ, какъ своихъ антагонистовъ, а и больше ни до кого не касается, да и тѣми точно словами и экспрессіями, которыми въ протестахъ прежде бранивалъ письменныхъ, а особливо *имны Венеръ* въ ругательство точно такъ употребилъ, какъ въ протестѣ, поданномъ на г. полковника Сумарокова, котораго протеста по сіе время никто видѣть и слышать еще не могъ, то почему бы пинному и знать про сіе, ежели бы сіе не самъ Тредіаковскій сочинялъ?

14.

О словѣ барашекъ, которымъ онъ ругаетъ Т., кромѣ его Тредіаковского и дьячка придворнаго Ивана Ѳедорова никто знать не можетъ, потому что дьячекъ читать училъ Т. по русски малолѣтнаго, а Тредіаковскій, бывая въ домѣ у Феофана, за вряля всегда принимался, сколько Тепловъ отъ малолѣтства помятуеть. А больше изъ людей того времени никого въ живыхъ уже нѣтъ.

15.

Критику на знанія философскія Тредіаковскій давно уже написалъ, и Т. еще въ Малой Россіи о томъ извѣстенъ; а нынѣ онъ выпустилъ, распространивъ оную критикою другихъ сочиненій и многими бранями и ругательствами Т., которыя заставили его сіе письмо г. Ломоносову подослать пасквильнымъ образомъ.

16.

Напоследокъ великому надобно быть Меркурію, чтобъ подъ сего Амфитріонова Созія поддѣлаться могъ въ 32 листахъ стилемъ, мнимымъ его ученіемъ, нравомъ, знаніемъ подробнымъ всѣхъ Тредіаковского умствованій школьныхъ, гнусною латынью, гречизною, педанствомъ, подлыми экспрессіями, лицемѣріемъ, ханженствомъ, самолюбіемъ, тщеславіемъ, злостію и дерзновеніемъ. Кто бы таковъ былъ, который такъ его любилъ, что въ него переродился и выжаловался напоследокъ за него тѣми точно словами и тою же злостію, которыя онъ черезъ нѣсколько уже лѣтъ и въ словахъ, и въ письмахъ, и въ доношеніяхъ, и въ протестахъ и въ извѣтахъ

употребляетъ? А притомъ тѣмъ же бы былъ зараженъ сумазброднымъ ученіемъ и пороками? Великіе между учеными дураки обыкновенно по самолюбію много и пишутъ и болтаютъ, навязывая всей публикѣ свои сочиненія и потому не меньше народу извѣстны, какъ и великіе прямые ученые. Ежели бы сей пасквиль другой кто написалъ, то бы другой и Тредіаковскій извѣстенъ былъ у насъ давно уже народу; но такъ близкаго сходства въ натурѣ между двѣмя вещами еще не видимъ.

17.

А что Тредіаковскій нынѣ клянется со слезами небомъ, землею, христіанствомъ и тѣмъ, чѣмъ только человѣку клясться можно, якобы онъ сего пасквиля не писывалъ, не видываеть и не знаетъ про него, то въ томъ онъ, яко истинный лицемѣръ и безбожникъ поступаетъ, ибо онъ и самъ вѣдаетъ, что всѣ мы разумѣемъ и видимъ его въ сей скверной пьесѣ, яко прямаго сочинителя, да только сумиѣвается, что бы мы то доказать могли по исторически и для того дерзновенно отрицается. Передъ недавнимъ временемъ онъ въ протестѣ написалъ своею рукою на г. п. Сумарокова сіи слова, *И сіе письмо есть послѣдній мой вамъ отвѣтъ, въ чемъ по христіанству и по честности вамъ клянусь, хотя-что-вы-ни будете-по селъ на меня взводить, и чѣмъ и какъ-ни станете впродѣ язвить*. Однакожъ клянися христіанствомъ и честію, написалъ вскорѣ послѣ сего скаредную пьесу: *о! судари! погань!* и подалъ два протеста въ синодъ и въ Академію на него, оставя и честь, и христіанство въ сторону. По сему явно, что клятва Тредіаковского есть прямое безбожіе, а слезы лицемѣріе.

Хотя же есть и другія доказательства, которыми сего Тартюфа прямо уличить можно, что онъ, а не иной кто сочинитель сего бездѣльничества, однакожъ такъ далеко обиженный еще поступать не хочетъ, показывая чрезъ сіе, что Тредіаковскій, принося передъ честнымъ свѣтомъ клятвы, яко прямой безбожникъ, напрасно тамъ отъ хари своей отпирается, гдѣ всѣ его видятъ. И обиженный столь много вразумителенъ въ стиль гнусной Тредіаковского, что сію обиду и ругательство точно отъ сего себѣ злодѣя приемень, и въ противномъ тому никто его увѣрить не можетъ».

31 октября 1755 г. академикъ Г. Ф. Миллеръ въ «покорнѣйшемъ доношеніи» къ графу К. Г. Разумовскому писалъ: «Извѣстился, что профессоръ Тредіаковскій писалъ къ прочимъ росій-

ской націи господамъ профессорамъ письмо, въ которомъ объявляетъ о разныхъ будто много чиненныхъ преступленіяхъ и онымъ профессорамъ обидѣхъ; въ томъ числѣ порицаетъ меня невѣрно подданнымъ ея императорскаго величества и не добροхотнымъ къ російскому народу, а оное письмо находится у вашего высокографскаго сіятельства, того ради покориѣйше прошу, чтобъ ваше высокографское сіятельство милостиво соизволило приказать у него потребовать на сію и на прочія въ ономъ письмѣ находящіяся клеветы доказательствъ, а мнѣ бы позволили принести мои отвѣты для подлиннаго изысканія, кто кого обидѣлъ, и кто за свои преступленія и за ложныя поношенія наказанія достоинъ».

ИЗЪ ИЗСЛѢДОВАНИЯ О ДРЕВНѢЙШИХЪ ПАМЯТНИКАХЪ ГЛАГОЛИЦЫ ХОРВАТСКАГО ПИСЬМА.

Люблянскіе листки изъ сборника.

ЗАМѢТКА АКАД. И. И. СРЕЗНЕВСКАГО

(См. Записки Акад. томъ XIII, стр. 168.)

Листки эти изданы вполнѣ Шафарикомъ (Pamatky hlah. 5 стр. 61—63) и по Шафарику Брчичемъ не вполнѣ (Chrest: 12, Cit. 7). На нихъ написано безъ начала, середины и конца слово на усѣкновеніе Іоанна Предтечи. По сличенію оказалось, что это — переводъ слова Іоанна Златоустаго, начинающагося словами: «ὁσπερ τις ἀνὴρ φιλέρημος», и переводъ тотъ-же самый, какой помѣщается и въ нашихъ Русскихъ торжественникахъ и другихъ сборникахъ поученій. Это открытіе позволяетъ возстановить чтеніе Люблянскихъ листковъ въ должномъ видѣ, дополня недостающія части строкъ, а равно начало и середину слова и съ тѣмъ вмѣстѣ исправя ошибки въ прочтеніи глагольскаго списка. Издаю этотъ памятникъ вполнѣ, ставя въ скобкахъ дополненія и разночтенія изъ Кириловскихъ списковъ. Къ сожалѣнію я немогъ получить ни снимка, ни вѣрнаго буквальнаго списка съ подлинника, и потому долженъ здѣсь сообщить глаголическій текстъ по чтенію Шафарика, очень свободному.

(Икоже мѣжь етеръ любя пѣстыню. на мѣстѣ нѣкоемъ лѣснѣ сѣда подъ сѣнию при водѣ. добра гласнѣыми пискснѣми птичними и дрѣвнымъ шѣмѣніемъ движемъ. кротокъ имаше смѣслъ. ѣгдаже еуліе проповѣда. Иродово нецтовство)

*) женско бестѣдце. и пирь мѣжь безумнихъ. и тръпезѣ скврѣниѣ и дарь неправднѣ. и потрѣбленіе тѣлесе чѣстна. ѣко и инь от безумнихъ. влюблени. егда прѣд лице свое привѣсе (= приведоша) вещи бившее от Ирѣда (= Ирода **). аще есть и ти (= о тои) глаголати вещи. иже таки едѣѣ пагѣби. въ то врѣме Ирѣдъ четвѣртовластьць (= тетрархъ) слышавъ слѣхъ Исѣсовъ. и рече слѣгамъ (= отрокомъ) своимъ. се бѣдетъ (= есть) Иванъ (= Иоанъ). его же азъ ѣсѣкнѣхъ. та бѣдетъ всталъ (= съ вста) от (= изъ) мрѣтвнхъ. да того (= сего) ради сили дѣютьсе имъ (= о немъ). повѣдаеть пророче ѣбѣеніе его же не можеть слыгати. (и) вѣдѣаше бо. ѣки пророкъ (= есть и мѣжь) светъ. аще бо (бы вѣд)аль. не би глаголаь его (изъ м)рѣтвнхъ въ ставнѣ(а. и се)го ради сили дѣють (= спламъ ея дѣяти) о немъ велить). о свѣстѣ зьяѣ. (о ни)омъ ѣбнистьѣ. а не (о т)акомъ (= о сицемъ) о немже и са(мъ) свѣдѣтельств(еть). о свѣстѣ жив(щи) ст) дѣшѣ скврѣниѣ д(о смрѣ)ти живѣщи и по (смрѣ)ти неѣтѣшнѣ сѣ(дѣ) прѣемлюци. и за кѣю в(инѣ) ѣбпесе пророка. за(и)е божи (= бысть) проповѣдатель (исти)ннѣ) и безаконнѣю (его) дѣтель обличенне(мъ) хотѣаше раздрѣши(ти) (= раздрѣшити). и емѣ же достоѣние (ако) цѣсарю. хранителюб (= ти) заповѣдемъ божи(имъ). се (=то) не ѣд(р)жа б(ещини)а плотнаго. и за(копъ) (разрѣши. цѣрь бо то есть) правднѣ. иж(е) законъ праведнѣ послы)ае. прѣвѣ(е) самъ к людямъ. како бо (инъ стѣ) под нимъ красот(ѣ) по) чинѣ ѣправить. а(ще) не правднѣ закони. ѣко брыздами от тѣж(ив)аго рода чловѣчьско(го) обѣз)даеть). Ирѣд же цѣсарь (стѣп) не людямъ нѣ похотемъ. (имъ же) бо кто побѣждень (бѣд)еть. томѣ есть рабъ (= томѣ са и поработити). (не то)кмо же законъ божи (раздрѣши. нѣ и ѣбниство) неправднѣное сѣдѣѣ (= сѣдѣла). и так(о) (ко)го ѣби. мѣжа правднѣ. (его) же и господъ свѣдѣ(ль)ствова (= мужа иже въ пѣстыни живаше безводнѣ) и неплоднѣ (без)грѣв(нѣ)ѣ (= безтравнѣ). в пѣст(ѣ)ни живѣаше Иванъ. не (бѣ)г)ае своего племеннаго рода чловѣчьскаго. нѣ б(ѣ)гаеть (видѣти и слышати скврѣненнѣа члѣка злодѣшнѣиѣ. сви ни сѣ (= сѣм) ни жне (= жа) никогда же. тѣм же и (= ни) хлѣба не имѣаше. ни вина. ни тръпези. ни одра ни пооттнаго (= менша) слѣги. ни мекькихъ ризъ. ослабѣющѣ(хъ) женолюбна тѣлеса. ни свѣще. ни свѣщника. ни стола. ни чаше. ни кринице. кромѣ бо си мира (= всего мира). ни чесо же от всего мира не трѣбоваше

*) Отъ сюда начинается глаголическій текстъ. †

***) Вѣ Кирил. спискахъ постоянно Ирод.

(= имѣше). живѣше же не в хранишѣ (= храмѣ) златомъ 8красенѣ (= искушенѣ). нѣ под каменемъ само8красеномъ (=самоискушеномъ). сем8 (= ем8) (и) п столѣ и трѣпеза п одръ земля бѣ. п мяса акриды п медь дивн. сем8 чаша пѣгрище *) (= пригорца) бнше. п вино весельное сладкаѣ вода пѣ камене текѣщиѣ. сего Ивана емѣ (= имѣ) привеза е п 8сѣкнѣ п. (= сваза Иродѣ) **)

(и вверже п въ тѣмницю. женѣ ради Филипа брата своего. о вещи неровержена. Иоанѣ свазанѣ дѣио пленицами грѣховными хотя разрѣшити а онѣ разрѣшающаго свазане. но аще п свазане. Иоанѣ глѣше. въ темницѣ вмѣщаемыи обличаше. свершаше писаниа. п глѣ о свидѣниихъ предѣ прѣи не стѣдася. не боа бо са смѣти Иоанѣ. но боашеса еже не глѣти истинѣ. сего 8би Иродѣ. сего же 8би не одинаго бо токмо 8би. но многы. 8бивыи бо 8читела п пользника дѣшамъ. не единого 8би но толико слико ихъ живѣ хода могли бы словомъ оживити. и когда сего 8би. срамота есть глѣти. срамота же п не глѣощѣ. но створшем8 8биство. рождѣтѣ8 бо рече дѣем8 Иродов8. пласа дщи Иродыадина по средѣ. п 8годи ем8. тѣмъ же съ ротою клѣтѣса еи дати. его же аще въпроситѣ. она же наоучена матерню. даи же ми рече на блюдѣ спце глав8 Иоанов8. о рождѣство злое прѣчьскымъ дѣша 8биствомъ. въ не иже мѣсто достоанше стѣна мѣжа на трапезѣ звати. тако бо бѣи развращена дѣиа его неправила. съ преподобнымъ бо преподобенѣ бѣдени. п съ развращеннымъ развратилиса. въ неи же мѣсто подобаетъ вдовицамъ помощи. п спроты помилвати. да бы многамъ п различнами мѣтвами свои животъ неподвижно скхранилѣ. нѣѣ же съ мѣжи нечестивыми п съ женами стѣднѣими веселася. виномъ многимъ п женами скверными обольщенѣ. предтечу Иоана. денѣницю 8трению 8биствомъ разруши. просвѣщшаго добрѣ. свѣщѣ вѣрнѣю. свѣтильника всем8 мир8. Иоана 8биствомъ разрѣши. оного бо аще п скѣдельныи съсѣдѣ на земли распадеса. но 8бо дѣвѣнаи его свѣтла свѣща сѣщимъ въ ѣдѣ вѣрнѣимъ свѣтѣ добрѣ просвѣщаше. прѣкѣ же вѣдѣи. яко имать варити гѣ въ адѣ. посла къ нем8 етеры 8чѣникѣ своихъ глѣ. ты ли еси градѣи или иного чаемъ. п не незнаа въпрашаше. како бо былѣ незнаа гѣ. егда п самѣ казаше глѣ. се агньць бѣи. въземлаи грѣхы всего мира. како бо былѣ не

*) Такъ у Шафарика.

**) Тутъ оканчивается листъ, какъ можно заключить по безсвязности предъидущаго съ послѣдующимъ. У Шафарика это не отмѣчено, а только поставлена точка послѣ словъ: «8сѣкнѣ п».

зналѣ. видѣвъ стѣи дѣхъ съшедѣи съ нѣсе на нѣ. п слышавѣ очѣ гласѣ о немъ глѣощѣ. се есть сѣи мои възлюбленѣи. о немъ же блѣговолехѣ. но въпропаше тако. ты ли еси градѣи или иного чаемъ. не рече бо. ты ли еси пришедѣи. пришелѣ бо бѣ на землю. но ты ли еси градѣи. сирѣчь яко въ адѣ. ли иного чаемъ. глѣше Иоанѣ о себѣ. яко еда хочеть анѣлѣ оукрѣпиль послати въ адѣ. дѣлю его съвершающе. или егда како хочеть вса единомъ гласомъ вѣскрѣсити. яко же п при Лазори стѣвори. сего ради не могли разсмотрити свѣта глѣа. въпрашаше глѣа. ты ли еси градѣи или иного чаемъ. въ адѣ сего 8би Иродѣ. п еако 8би. рождѣнѣю рече бѣвшю пласа дщи Иродыадина по средѣ. достоаннаа игра такоа трапезѣ. идѣ же бо скаканне п пшанѣство п гѣсли. тѣ нѣсть ничто же тврѣдо. но все движимо. п нестовое повѣданъ Иродово безѣмие. слышите любящи пласанне. иже оглашаше 8ши свои многоматейными ногами. ослабленыхъ отрочищѣ. п свои сѣдѣ съ ослабленѣими телесы ослабляюще. 8елзыните такоа8 кѣплю 8биственѣ. многовѣримое пласанне приобруѣте. она же наѣчена матерню рече. даи же ми сѣмо на блюдѣ глав8 Иоанов8. о зламъ лѣвица. аспидное отроча. не проси злата ни сребра. ни каменны драгаго. но главы Иоановѣ. п аще бы вѣрѣи ради просила. многимъ дражнѣи есть глава Иоанова велкого злата п сребра п каменны многоцѣннаго. но не проси вѣрѣи ради. да бы почла. по да обличителя обвини матери дасть винѣ на злонѣи грѣхѣ. слышавши зловѣрѣи прѣ оскрѣбѣ. не 8биства ради клѣча. но страха ради людѣска. за не вси яко прѣка пмаах8. аще бо бѣи говѣниа ради творилѣ. не бѣи пѣ прѣва свазаѣ его п вмѣталѣ въ темницю. но п оскрѣбѣ народа ради. п бѣи тогда дѣиа Иродова яко въ мори на тѣенѣ мѣстѣ корбалѣ валася. п къ обѣма стѣнама приражася. да бы не створилѣ 8биства. а възлежашчи съ нимъ възбранах8 ем8. стѣже же си лѣстивѣи. многошмною женѣскою похотѣю. приимѣ ꙗ сего плашѣбныи отвѣтѣ. на 8биство пославѣ. 8сѣкнѣ. о како сѣтѣ зло заклинатиса. пчѣи пѣ поманите гдѣ глѣица. азъ же глѣю вамъ не кленитеся отѣнидѣ. аще бо бы не клѣса окаи нѣи. не бѣи оставилѣ отѣнидѣ 8биства стѣворити. достоанше бо емѣ отѣнидѣ не клѣтиса. но попсже са клѣтѣ. лѣжася ем8 бѣи престѣпати. въ злѣмъ бо избрании пославѣ 8сѣкнѣ п) *) какъ рѣка дръзѣи възлюблени на светѣ вию Иванов8 нанести мечѣ. его же звѣри(е) пѣстѣнныи (= въ пѣстыни) 8)бѣшесе. его же лѣви (= лѣвоу въ пѣстыни) вѣстрепаше. его же керастѣи п змне-

*) Отъ сюда продолжается глаголическѣи текстѣ.

ве и аспиди здръгнѣшесе. его же дивне пчели дѣлающе питахъ. свети-
не его ради. от различныхъ бо цвѣтъцѣ и бици (= были и) събирающе
росине капле стрѣдь (= стрѣдѣши медь твораци) приношахъ емъ.
сего рѣка воина (= война) ѡсѣкнѣ. не прѣжаснѣсе (= не сдѣлѣв-
шнѣса). анѣль ска (= анѣльска) лица (= образа). и не вострепе-
тавши отъ зрака емъ (= его). стѣвца се (= свѣтацагоса) бо-
голѣпно. нѣ мнѣти (= мню) ѣко ввплемъ (= впитѣемъ) Ирѣдовомъ
омрачѣсе (= омрачнѣса) вопнѣ. мечъ ѡбо имѣаше. (и) ѡсѣкаемъ же
главѣ Ивановѣ не капаше кровь изъ несе. не бѣ бо шилъ николи
(= никогда) же вина. несомѣ же глава Иванова на вечерѣ (= и
несахъ главѣ Иоанову на блюдѣ на вечерю. а кровь некапаше отъ
нея) (и тогда) глаголаше (въпиаше) къ Ирѣдѣ. не достоинъ ти
жени имѣти Филипа брато своего. (и) по семрѣти бо правднѣ
живѣ есть. (и главѣ его ѡсѣченѣ гласъ его живѣ есть). Оле (= о)
сѣрови чловѣкъ. на немъ же блюдѣ меса ѣдѣаше. на томъ же главѣ
мѣжа правднѣ положи. не довлѣ ли то Ирѣде младнѣхъ дѣти не-
коление (= изгѣбленнѣ) бивнѣсе въ Витлеомѣ. не ѡжаснѣсе (= ѡстраши-
на) ли тебе отъца и матери (= матерѣ) стѣнагѣ и плачи. копы
острѣннѣ не прѣклоннѣ ли тебе многотѣкѣщихъ (= многотѣ-
чнѣхъ) слѣзь капле отъ чрѣсаль вздражающесе и прѣспѣвающе
источники. егда се отци по прѣсемъ бѣгѣхъ. и чѣста вздиханнѣ имъ
отъ сръдаць (= отъ срдѣца) сквозѣ ноздри всхождахъ (= исхождахъ).
егда матери своихъ чрѣсанъ лѣторасли младнѣхъ безъ врѣмене введѣ-
ши (= ѡвадоша) плакахѣсе. егда жени съсци (= изъ съсцю) мѣтко
точесе (= точахъ и) землю обѣлише (= обѣлахъ). отътрѣгаемомъ
(=отътрѣгаемъ) младенцемъ въ незапѣ и искаемомъ. егда отъцемъ
тъщи биста рѣцѣ своихъ чедѣ (= своего плода). и матеремъ съсци
отъ младнѣхъ зѣбѣ и оскитаннѣ (=скоктаннѣ) искаахъ. о котори бо се
(= ѡбо) звѣрь не би (са) тогда просельзилъ. незлобивнѣхъ младенець
чистнѣ дѣше виде некалаемѣ. ихъ же дѣше тольми бѣахъ чисти (=не-
злобивѣ). елма и ѡди (ихъ) млади. (еда та бѣша и ти обличили о
Ироде. иже не ѡже назъика имѣахъ ѡстрѣбѣша. ни зѣбѣ ѡтвердѣша
възрацающѣ назъика. да бы въ ѡстѣхъ ѡслаждѣше ѡстнами изре-
кли). не довлѣ ли ти о Ирѣде тако (= толнко) осирѣenne да и(нѣ)
Ивана ѡсѣкнѣ. емъ же нѣ (= не) бѣ достоенъ (= достоинъ) власа
единого двигнѣти. и дѣти (= отроки) Рахилннѣ исколь. и црквена-
го ѡчитѣла Ивана ѡсѣкнѣ. како симъ всѣмъ мплостнѣмъ бѣдѣ тебѣ.
глаголетъ господѣ. о граде кровави (=градѣ кдѣ есть кровавнѣ).
в немъ же цѣсарѣствова (= цѣствѣствѣ) Ирѣдѣ. ѡви мнѣ. емъ же бѣ
(= иже хотѣ) бити цѣсаревѣ чѣстнѣннѣ ѡ (= цѣрѣ чѣстнѣннѣ) то

бисп (= бѣистѣ) бѣсѣстнѣю водѣць (= вождѣ бѣсѣстнѣннѣ). потомъ
же (ходѣщнѣ) Июдѣи наѡчѣшесе (= наѡчнѣшаса) ѡбпвати. до Хри-
стова ѡбнѣства доидѣ (= догнашаса). съ бо младенце иска и Ива-
на ѡсѣкнѣ. *).

Очевидно, что глаголическій списокъ отличается отъ кириллов-
скихъ только нѣсколькими пропусками, перестановками и перемен-
ами словъ, да еще правописаніемъ Сербскимъ, по которому, сообраз-
но съ выговоромъ, употреблены: и вм. ѣ, е вм. а, ѡ вм. ѡ, ѡ вм. ѣ,
а (иногда) вмѣсто ѡ и ѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, вглядываясь въ языкъ памятника, нельзя от-
вергать, что Славянскій переводъ этого слова Иоанна Златоустаго
принадлежитъ къ древнѣйшему времени Славянской письменности.
Нельзя не желать найдти это слово въ древнемъ кириловскомъ
спискѣ, хотя бы и Русскомъ.

И. И. Срезневскій представилъ слѣдующее общее замѣчаніе
о древнѣйшихъ памятникахъ Глаголицы Хорватскаго письма:

Въ теченіе марта мѣсяца окончилъ я разсмотрѣніе древнѣй-
шихъ памятниковъ глаголицы хорватскаго письма въ отношеніи
къ ихъ языку и содержанію. Опредѣлить съ достовѣрностію вре-
мя, когда они написаны, не возможно. Только по сравненію съ па-
мятниками XIV вѣка и болѣе поздними, можно допустить домысль,
что они писаны ранѣе, въ XIII или же и въ XII вѣкѣ. Языкъ ихъ
тотъ же, что и въ Сербскихъ Кирилловскихъ рукописяхъ этого време-
ни. Сохранились они въ отрывкахъ, а потому о содержаніи ихъ
многихъ заключеній и выводовъ сдѣлать нельзя; тѣмъ не менѣе
представляется несомнѣннымъ кое-что довольно важное. Очень не-
многіе изъ памятниковъ, какъ на пр. и Люблянскій отрывокъ ча-
сосола, могутъ быть отнесены по содержанію къ числу Римско-
католическихъ церковныхъ книгъ: въ такихъ книгахъ и на самомъ
языкѣ легли отпечатки вліянія Латинскаго. Въ большей части до-
селѣ найденныхъ памятниковъ мѣста изъ книгъ Священнаго Пи-
санія Ветхаго и Новаго Завѣта приведены въ томъ самомъ перево-

*) Тутъ оканчивается второй листъ глаголическаго текста. Последннхъ
словъ «св.—ѡсѣкнѣ» въ Кирилловскихъ спискахъ нѣтъ.

дѣ, какъ и въ Кирилловскихъ рукописяхъ, впрочемъ не самыхъ древнихъ. Изъ отдѣла житій сохранились только два отрывка: одинъ изъ житія св. Феоклы у г. Кукулевича, другой изъ житія св. Прохора у г. Брчича изъ числа Греческихъ. Изъ отдѣла поученій сохранился только одинъ памятникъ, въ Люблянскомъ второмъ отрывкѣ, отрывокъ изъ слова на усѣкновение главы Иоанна предтечи: мнѣ удалось замѣтить, что онъ принадлежитъ слову Иоанна Златоустаго (*ὁσπερ τις ἀνὴρ φιλέριμος*), котораго переводъ помѣщается и въ нашихъ торжественникахъ и другихъ подобныхъ сборникахъ («іако же мѣжь етеръ любѣ поустыню»). Въ хорватскомъ глаголическомъ памятникѣ переводъ тотъ же, и поэтому съ помощію нашихъ рукописей можно дополнить не достающее и облегчить себѣ чтеніе неясно читаемыхъ буквъ и словъ.

Другая замѣтка г. Срезневскаго касается одной изъ апокрифическихъ книгъ, найденной имъ въ древнемъ не-Русскомъ спискѣ.

Въ числѣ апокрифическихъ книгъ, помѣщаемыхъ въ нашихъ сборникахъ, встрѣчается сказаніе Иоанна Богослова о второмъ пришествіи Спасителя; оно извѣстно было со времени Ламбеція въ Греческомъ подлинникѣ. Впрочемъ списки и Слав. перевода и Греческаго подлинника всѣ недревни: древнѣйшіе относятся къ XV вѣку; притомъ въ нашихъ спискахъ, доселѣ открытыхъ, переводъ подвергся кое-какимъ и даже въ иныхъ значительнымъ перемѣнамъ и сокращеніямъ. Въ отрывкѣ изъ Болгарскаго сборника XIV вѣка, доставленномъ мнѣ А. Θ. Бычковымъ, я нашелъ первоначальный изводъ перевода этого замѣчательнаго памятника; онъ важенъ и по древности языка, и какъ указатель древней, не сохранившейся редакціи подлинника.